

Садыр

ИЗБРАННЫЕ
САТИРЫ

ПЕРЕВОД
С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1962

Составление
АЗИЗА ШАРИФА

Переводы под редакцией
Т. СТРЕШНЕВОЙ

Предисловие
Л. ПЕНЬКОВСКОГО

Оформление художника
Г. КУДРЯВЦЕВА

Иллюстрации художников
Ю. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЮВЕНАЛ

реди классиков наших тюркоязычных литератур были и в более отдаленные времена, и в сравнительно недавние — во второй половине прошлого века и в начале нынешнего — талантливые поэты-сатирики, поэты-демократы. Они зачастую мужественно выступали и против религиозного лицемерия мусульманского духовенства, и против гнета русских колониальных властей, и против ставленников русского колониализма — эмиров и ханов. Они клеймили в своих стихах пороки и темные дела современников, обличали религиозных ханжей — охранителей бытовых пережитков мусульманского средневековья, а также алчность и жестокость власть имущих.

Это были поэты-обличители, просветители, истинные друзья и преданные сыны своего народа. Но они — в силу многих исторических и социальных причин — не были еще поэтами-публицистами, поэтами-революционерами, политическими поэтами.

Такой политический поэт, поэт-боец, появился у азербайджанского народа в революционном 1905 году.

Мирза-Алекбер Таир-заде, писавший под разными псевдонимами, но известный по псевдониму Сабир, то есть «Терпеливый»,

родился в 1862 году и умер в 1911 году. Начав свой поэтический путь с лирики в традиционно-классическом духе, он уже в молодости достиг высокого мастерства. Однако выдающимся азербайджанским поэтом стал он уже в зрелом возрасте благодаря социальной и революционно-политической сатире, которой отдавался целиком и безраздельно под влиянием бурных событий 1905 года. Истинный лирик становится поэтом-гражданином, созерцатель — обличителем, мечтатель-романтик — борцом и трибуном. «Отверзлись вещие зеницы» — и Сабиров «глагол» начал «жечь сердца людей»...

...Спровоцированная царским правительством трагическая армяно-азербайджанская резня исторгает из чуткого сердца Сабирова строфы патетической гражданской инвективы — «К согражданам мусульманам и армянам»:

Кто ссорит — друг армян или пап оя друг, — взгляни!
Все дело в кости в одной — вокруг взгляни!
Во всем виноват тнет — вот наш недуг, взгляни!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам спутников друг в друге обрести!

(Перевод П. Антокольского.)

В то накаленное взаимной национальной враждой время надо было иметь большое гражданское мужество и высоко подняться над национально-шовинистической ограниченностью и религиозной нетерпимостью, чтобы выступить с призывом к дружбе и единению двух натравленных друг на друга народов — мусульман-азербайджанцев и христиан-армян.

Это первое гражданское стихотворение Сабирова было как бы сигнальной ракетой, после которой начинается упорный артиллерийский бой, длящийся до самой смерти Сабирова. После публикации названного стихотворения Сабир примыкает к революционно-сатирическому журналу «Молла Насреддин», и это окончательно

но определяет его поэтическое и политическое лицо. Последнее десятилетие жизни Сабирова — это годы его творческого расцвета, поставившие имя поэта в ряд классиков азербайджанской литературы.

Сотрудничество в журнале «Молла Насреддин» — органе, заслужившем бошечую ненависть всех темных сил тогдашнего Азербайджана, в журнале, читатели которого объявлялись в мечтах вероотступниками, а сотрудники — вне ислама, — само по себе уже было подвигом. Сколько ни прятался Сабир за всевозможные псевдонимы, «льва стали узнавать по когтям», и «правовверные», ранее так охотно внимавшие одам и газелям Сабирова, начали травить поэта. Сабирова был объявлен бойкот: школу, которую он открыл в родной Шемахе, пришлось закрыть — не оказалось желающих учить детей в школе «вероотступника». Последовало полное материальное разорение. Только через три года удалось Сабирова вырваться из Шемахи в Баку и здесь найти место учителя. Но ни нищета, ни окружающая Сабирова ненависть ханжеской, фанатической мусульманской среды не сломали его воли к борьбе за правду, за просвещение, за свободу, за лучшее будущее родного народа и человечества:

Свобода! Подруга... С тех пор как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу свободою биться всегда.
За это не раз порицаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда.

(Перевод П. Панченко.)

Именно в эти трудные годы Сабир все больше рос и креп как поэт революционной демократия, как поэт политический. Стоит посмотреть оглавление сборника, чтобы увидеть, как неутомимо воевал Сабир с ненавистным ему ханжески-лживым, алчным, невежественным мусульманским средисекоковым первого десятилетия нашего века, как широко было поле его сати-

рического обстрела, как многообразны объекты, по которым вел он свой точный и разрушительный огонь.

Читая Сабира, замечаешь неоднократную повторяемость тематики. То и дело, например, мы наталкиваемся на сатиры, бюллетени по врагам просвещения — противникам обучения детей в общеобразовательных школах, по ненавистникам газет и книг, презирающим всех ученых «читак» и «писак». Носители этой вражды и презрения — не всегда клерикалы-шейхи, моллы и прочие большие и малые фигуры официального ислама. Это часто трудовые люди, но темные, воспитанные в полном невежестве, иногда — женщины. В сатире-монологе «Жалоба женщины» дочь простого зеленщика, гордящаяся тем, что в их роду лякогда, слава богу, не было грамотеев, сует на непутевого мужа-поэта:

Я слышала, мужья бывают всяки,
Но, чтоб читак были и писак!..

...Какой же это муж, будь он исладеи,
Поэт! Ему лишь книжки да тетради!..

...Я говорю: «Одумайся, послушай,
Протри глаза, дурак, прочисти уши...»

(Перевод Л. Пеньковского.)

В сатире «Что мой сын нашел в ученье?» Сабир, разнообразя прием, разрабатывает ту же тему иначе. Здесь монолог-обвинение ведется от лица невежественного богача в адрес жены, на этот раз — сторонницы обучения сына, который пристрастился к книгам, к наукам:

Все ты, проклятая, ты, ведьма, виновата:
Не ты ли в дом внесла
Заразу книжного, безбожного разврата?
Молчи, исчадь зло!..

...Мечтал я, чтоб мой сын добился уваженья
Без глупых, вредных книг,
Чтоб сильным кулаком — богатства, положенья
Легко, как я, достиг.

(Перевод Л. Пеньковского.)

К этой теме Сабир возвращается неоднократно. Также не раз и не два направляет Сабир огонь своей сатиры на ханжей-фанатиков, на исламское духовенство, на рыцарей узаконенного торгового грабежа и разбоя, на все язвы быта своих соплеменников.

Разумеется, многое в сатирическом наследии Сабира сохраняет сейчас уже только исторический интерес, и потому нас иногда удивляет эта повторяемость тематики. Но надо помнить: Сабир был солдатом идей просвещения, демократии, революционности, вопиственным глашатаем нового, непримиримым и неутомимым публицистом, борцом с обскурантизмом, с невежеством, с угнетением и эксплуатацией народных масс, с враждой между народами. Именно поэтому и бил он день за днем по одним и тем же ненавистным ему врагам прогресса. Недаром же стихотворные сатиры Сабира нередко публиковались в журнале «Молла Насреддин» в качестве перодовиц!

Обличая носителей всяческой лжи порознь, Сабир в небольшом стихотворении «Разговор двенадцати» остроумно заклеймил — так сказать, соборно — ложь и обман двенадцати персонажей, предоставив каждому по однострочной реплике-признанию. Тут и адвокат, оправдывающий заведомое зло, и врач, на чьей совести погубленные больные, и поэт, певчий только о соловьях и розах, и даже редактор, заполняющий газетные полосы скучным и ненужным водолейством, а также, разумеется, и различные слуги аллаха...

Сабир не взывал о сострадании к «нищим классам», а призывал угнетенных и обездоленных к активной борьбе за свои

человеческие права. Преданнейший сын своего народа, Сабир ратовал за его просвещение и эмансипацию, зло высмеивая тех буржуазных квазиинтеллигентов, которые, усваивая оборотную сторону европеизма, отрывались от родных масс, гнушались даже родным языком. Богатые палачи, почитавшие себя «солєю нации», проявляли свою «культуриность» в том, что кутили по ресторанам с пансионетками и проститутками, в то время как собственные их жены оставались дома на положении полурабынь...

Сабир бесноводно срывает все и всяческие маски с мнимых «друзей» народа — буржуазных националистов, панисламистов и пантюркистов. Борьбу за лучшее будущее нации Сабир не изолировал от борьбы за общее благо человечества, за коренное социальное переустройство мира.

«Ты человечеству служил — не только миру мусульман!» — писал он в стихотворении, посвященном вождю иранской революции Саттар-Хану.

Иранской революции 1907—1911 годов Сабир посвятил немалое количество политических стихов. Дело в том, что выселенная южного Азербайджана, подвластного Ирану, принимала особенно активное участие в революционной борьбе против тогдашнего персидского шаха — деспота Мамедали, которого поддерживал русский самодержец Николай II.

Поднимая революционный дух своих зарубежных единоплеменников, Сабир вместе с тем обрушивался на деспота шаха, а другим концом своего сатирического бича хлестал российское самодержавие и его венценосного последыша...

Не имея возможности по цензурным условиям прямо указывать на некоторые факты из недавней истории русской революции 1905 года, Сабир в стихотворении «Османец, не верь!», пользуясь эзоповским приемом, говорит косвенно то, чего не может сказать открыто. Он предупреждает турецкий народ, возликовав-

ший по поводу конституции, вырванной у султана Абдул-Гамида, чтоб он не впадал в излишнее прекраснотушие и не просрал, как иранцы, эфемерных конституционных свобод, «дарованных» ему коварным деспотом:

Османец, нет, не верь опять, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни теби аллах!

О Турция, чем ты горда, любимая, страна?
Что конституция теперь сынам твоим дана?
Но для Ирана не была ль трагедией она?
Ох, не одна ведь голова в Иране снесена...
И о погибшем сыне мать рыдает не одна,
Нет, конституция и впредь не возрастет цена!

(Перевод П. Панченко.)

Конечно, это относится к Турции, конечно, здесь значительным примером служит Иран, но это в лоб бьет и прекраснотушных русских маниловых, поворивших в конституцию, «дарованную» в страхе перед революцией «помазанником божьим» Николаем II и тут же затошпенную кровью русских крестьян и рабочих!

Такой высокоудейной, политически зрелой революционной сатиры, пожалуй, не было до Сабира не только в азербайджанской, но и в остальных тюркоязычных литературах бывшей царской России.

Сила воздействия сатир Сабира заключается не только в их острой социальной направленности, но только в высокой поэтической одаренности их автора, но и в том, что он освоил и великолепно разработал особый жанровый прием, прием косвенного обличения. Это — мнимая апология хулимого и мнимая хула восхваляемого, утверждение отрицаемого и отрицание утверждаемого. Слишком многообразна тематика Сабира, чтобы перечислять все случаи применения им этого острейшего сатирического ору-

жил. Но вот, например, фабрикант или купец-тожестосум возмущается «наглостью» бедняка рабочего, желающего также быть сытым и получить человеческие права:

Как затесался ты сюда? В грязи родился ты, рабочий,
Так почему же втерся к нам и возгордился ты, рабочий?
Глупец! Когда молчат с тобой, ты с нами споришь с видом
чванным,
Не дожидаясь у дверей, прешь прямо в зал в отропье рваном,
Как равный, с беком говоришь, тягасешься с почтенным ханом, —
Опомнись! Во дворец вступив, как не смутился ты, рабочий!

(«Песенка аристократа». Перевод С. Липкина.)

Был ли Сабир атеистом в нашем понимании этого слова, трудно сказать, — очень возможно, что не был, и, учитывая время и среду, можно этому и не очень удивляться. Но закрывать глаза на правду и не говорить ее даже самому господу богу Сабир не мог.

Сабир не только клеймит религиозных обскурантов, фанатиков и святош-дельцов, — он поднимает голос и против их бога, который, видя всю ложь и насилие, охраняемые на земле его лицемерными слугами, сам молчит и покрывает вопиющую несправедливость этого мира насильников, где «человек большой — человек с мощной»:

За твоих боссердечных дворян, боже, слава тебе!
За набивших до края кармаи, боже, слава тебе!

За глядящих без дрожи на горе народа всего,
По почет получивших и сан, боже, слава тебе!..

...За людей, утопивших в крови столько братьев своих,
За твоих мусульман и армян, боже, слава тебе!..

...Вопрошая, всевышний, тебя: как не ожет ты земли,
Говорю я, от радости пьян: боже, слава тебе!

(«Боже, слава тебе!» Перевод П. Панченко.)

Вот и другая сатира, направленная к тому же высокому небесному адресату:

Из камня высеченный род па что тебе, аллах?
Сердца холодные как лед на что тебе, аллах?

Чем зло сильней, тем с каждым днем смиренней человек, —
Народ, сносящий тяжкий гнет, на что тебе, аллах?

Когда ни искренность, ни честь, ни правда не нужны,
Влачить позор из года в год на что тебе, аллах?

Когда из горьких слез людских сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах?..

...Прости меня, прости меня, прости меня, аллах!
При виде мудрости твоей меня объемлет страх!

(«На что тебе, аллах?» Перевод П. Панченко.)

Какая огромная человеческая боль и какой уличающий сарказм! Даже только эти две сатиры дают нам право считать их автора великим поэтом своего народа...

Высокая идейность, широкий тематический диапазон, остроумие и меткость социальных характеристик людей и явлений — в этом секрет того, что большинство произведений Сабира, несмотря на их злободневность, избежало выветривающего и обесцвечивающего влияния времени.

О том, с каким благоговением относился Сабир к священному орудию литератора — к слову, как высоко держал он тяжелое, но почетное знамя гражданской поэзии, как честно и беско-

рыстно служил народу своим творчеством,— говорят нам такие стихотворения, как «Слово», «И поэт», «Поэтическая мелодия», «Не могу», и другие. Вот отрывок из одной такой поэтической декларации:

Я поэт, и поэтому должен зацвезть я стихом,
Ибо жизнью я призван писать о благом и дурном,
Видеть мрак по ночам, видеть солнце горячее днем
И кривое в кривом различать и прямое — в прямом.

(«Я поэт». Перевод С. Липкина.)

...В заключение хочется остановиться на небольшом стихотворении-пародии «Подражание нашим поэтам». Хотя Сабир сам писал лирические газели по всем канонам восточной классики, но уже и он (еще полвека тому назад!) понимал, как несоответствует этот тысячелетний канон условных чувств и условных образов-штампов, переходящих век за веком от поэта к поэту, чувствам и эстетическим потребностям современного человека:

О ты, чье лицо — как солнце, а лоб — луны круглей!
Глаза у тебя — сайгачьи, два лука -- вместо бровей.

Похожи твои ресницы на заросли тростника,
Как муравьи — кудряшки, а косы — как пара змей.

Как яблоко — подбородок, колодец — ямка на нем,
С блеском серебряным -- тело, оно — полотна белой.

Как ножка бокала — шея, стройнее чинары — стая,
С губ твоих — мед сочится, щеки — гранатов красной.

Зерном ипсеничным — родинка, воробом — челка на лбу!..
Ах, будь это так — не лоплось бы чучел тебя смелней!

(Перевод Л. Пеньковского.)

А ведь многие советские поэты в братских республиках еще сравнительно недавно (и даже на тематике Великой Отечественной войны!) писали именно по этому тысячелетнему рецепту, но чувствуя всей фальши и комизма такого воспевания!

...В нынешнем году исполняется сто лет со дня рождения Сабира. Сабир сыграл для азербайджанского народа не меньшую, пожалуй, роль, чем в свое время прославленный римский сатирик Ювенал для античного Рима. Эта книга избранных сатир азербайджанского Ювенала — есть та искренняя, любовная дань его памяти, которую к знаменательному столетию приносят русские поэты-переводчики.

Л. Пеньковский

ИЗБРАННЫЕ
САТИРЫ

М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республика
КИТАБХАНАСЫ

К СОГРАЖДАНАМ МУСУЛЬМАНАМ
И АРМЯНАМ

Когда идущий век единством осиян,
Когда благая цель не призрак, не обман
И в мыслях нет вражды, нет неотмщенных ран,
Кто родины сынов толкнет во вражий стан?
Откуда ж этот спор армян и мусульман?
Иль не рассеялся тот вековой туман?
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора поддержку нам друг в друге обрести!

Когда один сосед нуждается в другом
И мощь родной страны в содружестве благом,
Какой же дьявол злой стучится в братский дом,
Вспыхнет ли косность вновь? Вот, оглянись кругом:
Резня по городам, убийства и погром...
Довольно! Пощади, аллах! Мы идем, мы ждем...
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора собрать нам друг в друге обрести.

На сеть коварных дряг, возникших вдруг, — взгляни!
То дело наших рук или ваших рук? Взгляни!
Кто спорит — друг армян или наш он друг? — взгляни!
Все дело в косности в одной — вокруг взгляни!
Во всем виновен гнет — вот наш недуг, взгляни!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам спутников друг в друге обрести!

Породу правду дать, упылый сон прогнать!
Невежества закон, тупой закон прогнать!
Все мужество собрать, всю мерзость вон прогнать!
Всех сеющих вражду, всех сплетен звон прогнать!
Сабир! Возьмись и ты тяжелый сон прогнать!
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам родину друг в друге обрести!

1905

ПОСВЯЩАЕТСЯ БАКИНСКИМ РАБОЧИМ

Река времен стремится вспять. Что стало с нашим веком?
Рабочий тоже пожелал считаться человеком!

Зачем свой нос во все дела теперь сует рабочий?
Зачем бояться перестал своих господ рабочий?
Зачем, богатых не страшись, идет вперед рабочий
И за какие-то права борьбу ведет рабочий?
Река времен стремится вспять. Что стало с нашим веком?
Рабочий тоже пожелал считаться человеком!

Зачем, рабочий, мы тебя должны хвалить всечасно
И почему твои слова звучат отныне властно?
Глупец, богатых уважай, их слава громогласно,
И много, мало ли дают, — смотри подобострастно!
Река времен стремится вспять. Что стало с нашим веком?
Рабочий тоже пожелал считаться человеком!

Будь осторожнее, богат, своим добром владея.
Рабочий правду говорит? Не слушай ты злодея!
Крамолу черни уничтожь, к наживе тяготей,
Со всяким нищим не делись, казною богатей.

Река времен стремится вспять. Что стало с нашим веком?
Рабочий тоже пожелал считаться человеком!

Богач, ты хочешь на земле прожить в покое, в мире,
Не зная, что есть и страх, и месть, и зло другое в мире?
Тогда с рабочим не дружи,— найди иное в мире:
Копи деньги и презирай все остальное в мире!
Река времен стремится вспять. Что стало с нашим веком?
Рабочий тоже пожелал считаться человеком!

Зачем тебе любить народ, на рабство обреченный?
Зачем тебе кормить сирот, чьи раздаются стоны?
Чертога власти и щедрот воздвиг ли угнетенный?
Для слабых — бич, для бедных — гнет: вот богачей законы!
Река времен стремится вспять. Что стало с нашим веком?
Рабочий тоже пожелал считаться человеком!

1906.

БАКИНСКИМ «БОГАТЫРЯМ»¹

Ты идешь походкой валкой, нож держа в кармане,
И меня мутит от грязной непотребной брани.

И душа уходит в пятки от угрюмых взглядов,
И шарахаются в страхе ваши горожане.

С револьвером, с патронташем ты идешь празвалку.
Глаз не отвожу, бледнея, от тяжелой длали.

Пьян ты, вот ли,— я не знаю, но одно лишь вижу,
Что спешат укрыться люди от тебя заране.

Стал бездельником, пройдохой, вопреки исламу.
О тебе повсюду слава, как о хулигане.

Ты с таким же прощельной встрече рад бываешь,
И недаром вас чумою кличут мусульмано.

¹ Сатира клеймит бакинских «кочи» — наемных бандитов, верно служивших миллионерам-нефтепромышленникам. (Подстрочные примечания и словарь непонятных слов в конце книги составлены Азизом Шарифом.)

Сдвинь барашковую шапку на густые брови,
Убивай, калечь, а совесть утопи в стакане.

В «скороходовских» сапожках, что сверкают лаком,
Перепившийся, валяйся под скамьей в духано.

Жизни годы жги, как свечку, пьянствуй с кем попало,
Разорен твой дом, а дети просят подаянье.

Проклинай жену, которой ты принес несчастье,
На углу продажной девке назначай свиданье.

И бражничай, и смейся,
И, как бурдюк, налейся,
На молодость надейся,
Но вот ее уж нет,—
Ты, одряхлев до срока,
Скитаясь одиноко,
Раскаешься жестоко
В позоре прошлых лет

1906

СПИ!

Пока покровителям тьмы
Угодно, чтоб наше невежество длилось,
О бедный народ мой, узнаешь ли ты,
Что значит сплоченность и справедливость?
Наука, и школа, и сонмища книг
Могли бы взрастить хоть из глины, из камня
Цветы просвещения.. Но в этот цветник
Пути не найдешь. И напрасны исканья.
Ну, что ж, оставайся невеждой и спи.

Спит спящий. И к свету и к ночи сплошной
Равно безразличен он до пробужденья.
Но разве лишенный сознания больной
Сумест найти для себя исцеленье?
Невеждам цирюльникам не прекословь,—
Толпятся, по-своему каждый врачья,
И если из жил твоих выгустят кровь,
Ты будешь дремать, ничего не почуя.
Ложись поудобнее на бок и спи!

Словечко «гяур», заблужденный угар
Не скроются сами, могу предсказать я.
Поверь, что покуда меж нами — Ганбар,
С тобой не избавиться нам от проклятья.
Угодно Мирзэ, чтоб мы жили в тисках,
И сможем ли мы распротиться с тисками,
Пока предрассудки о сретиках
Мешают сплотить наш народ для исканий?
Не тепись напрасной надеждой и спи.

1906

Я ВЗДЫХАЮ...

Я вздыхаю, так я жажду дыма твоего кальяна,
Горько плачу, так мне чашка кофе твоего желанна!

Проповедую не ради святости и благочестья,—
Цель моя — кошель твой толстый в недрах твоего кармана.

Где б ни страствовал я, сердце рвется к твоему амбару,
Я влюблен в твои богатства, что дорожке мне корана.

Я всегда готов подставить голову тебе подножьем
Ради изобильной следи, ради лакомств достархана.

Плоть изныла в вожделенье твоего кюфта, бозбаша,
Фаршированного также страстно жажду бадирджана.

Прославляя во весь голос дивных райских яств улады,
О земных мечтаю блюдах,— рай не стоит фисинджана!

И когда я, восхваляю воды райского Ковсера,
Мысль мою шербет дупистый соблазняет постоянно.

Наблюдая, как готовят ужин в пользу неимущих,
Голод и смирял, вдыхая запах шлова невозбранно.

Если бы хоть раз увидеть, как ты, милый мой наследник,
Золото рукой дырявой рассыпаешь неустанно!

Сердце, бейся только ради благодетелей богатых
И не думай о несчастной доле нищего дежкана!

Знай, Хоп-хоп, зажечь не сможешь никого ты искрой вздоха,
Что в твоей душе бушует лавой огненной вулкана!

Смотри — молчи, аллаха ради!

Гори — молчи, аллаха ради!

Знай: никому — ни слова правды, —

Бри иль молчи, аллаха ради!

ГОРЕ АПТЕКАРЯ

Ай, аман, ой, горе нам от гнетущих, сердце рвущих дел
изменчивой судьбы, что, подвергнув нас ударам, обрекает мир
пожарам, беспощадна к малым, старым, а особенно ко мне, что,
в огне сгорая даром, как свирель в усердьи яром, только стоны
издаю, будто стал я самоваром и во мне исходят жаром много
тысяч угольков, а из чашек глаз моих льются слезы, пышут па-
ром, ай, аялах, каким угаром я охвачен, кто поможет мне, не-
счастному: на свете появилось поколение просвещенных — лите-
раторов и всяких вообще интеллигентов, — тех, которые всечасно
вводят новые порядки, называя их наукой, да и нас все время
тянут приобщиться к злему Делу, и скажу я: их призывы — ни-
чего! — они учились, курсы кончили, усвоив кое-что от обучения,
но, клянусь вам, надоели мне проклятые поэты, что о всякой
дряни, вздоре, чертовщине, мелком соре разболтались, как в
бреду, — всё у наглых на виду: каждый ваш грешок в году, всех
пороков череду и подметят на ходу, и опишут на беду, и почтен-
ный чужестранец с ними сразу же в ладу; я оглох, и пропаду,
слыша в муке о науке речь скучнее всякой скуки, мол, дадим
друг другу руки, а на что нам эти штуки, если все, что получи-
ли мы от прадедов в наследство, наши древние закопы, наш

уклад и образ жизни, поведение, положение, что нам будет
искони,— все в стихах своих они порицают в эти дни: то я это
изгопя, переделай, измени, жить по-новому пачни, траурный на-
день наряд — в школу отведи ребят,— боже, что они велют! —
значит, собственной рукою преврати дитя родное — ужас! —
в русское, в чужое, чтоб лишить себя покоя, созерцая, как святое
мусульманское дитя, словно дети иноверцев, в картузе который
год все твердит «иштот-миштот», ходит учиться — и вот станет
доктором оно и подверженным недугу правоверным мусульманам
выдавать начнет лекарства, те аптечные лекарства, что от века
состояли из вина наполовину, а другая половина — из воды, и
оскверняли неповинные желудки у несчастных правоверных,
между тем как есть на свете парфюмерная лавчонка, чей хо-
зяин — раб аллаха, наш гаджи благочестивый, самый верный сын
пророка, кто на все глядит глазами, подведенными сурьюмою,
голову покрасил хнью, у кого меж пальцев четки, в чьей душе
глубокий корень навсегда пустила благодать, кто веками не оби-
дел никого своей изменой, кто и кулю и продажу вел со всеми
без обмана, вместо мускуса ни разу не давал дешевой дряни,—
в этой лавочке, в которой наследить не смеют крысы, в этой
лавочке, в коробках, безо всяческих покрывшек, много дивных
средств хранится, что лежат десятилетия, но от этого сильнее
аромат их и целебность, и еще верней спасенье от болезней и
печалей, а они и впрямь спасают — эти травы и корни, семена,
нилоли, смеси — и подумайте: все это в лавке так и пропадай,
все забудут этот рай, за зимой наступит май, вновь луна осветит
край, а гаджи — сиди, аэвай, год за годом — бау-бай, гостя в лав-
ке не встречай,— так вот и придет вай-вай!

1906.

БАХ! БАХ!

Бывало, вступят в драку с мужем муж,
Працюю мечут камни — жуужж, жуужж!

Кого ударит камень, тот, больной,
И дни и ночи стонет — ой, ой!

Но если зельем остановят кровь,
Больной здоровым станет вновь, вновь!

Теперь не камень — револьвер в руках,
Летят внезапно пули — бах, бах!

На землю парня падают тотчас,
Их настывает гибель — враз, враз!

Тьфу, что за время! Весь в крови, идет
За годом вслед — ужасный год, год!

Друг с другом люди бьются, как враги.
О боже, что творится,— жги, жги!

Зверюют люди, злобе нет преград,
И брата убивает брат, брат!

Когда я вижу смерть в родной стране,
За свой народ так больно — мне, мне!

Что делать? Пронадет Баку совсем,
Убийство угрожает всем, всем!

О госноди, исправь подлунный мир,
Пусть стар и млад вкушают мир, мир!

1906

РЕЦЕПТ ВОСПИТАНИЯ

В тот день, когда аллах тебе дарует сына,
Судьбу твою пади,—
Пошла за колдуном, чтоб козны злого джинна
Не тронули дити.

Дай крошке талисман, припомни все приметы
Юродливых старух,
Используй заговор, заклятья, амулеты —
Смути нечистый дух!

Коль завомоет сын, простынет не на шутку,
Заботься о больном:
Не вызывай врача, не оскверняй малютку —
Пошли за колдуном.

Коль ночью твой малыш залачивает пеленку,
Заплачет, закричит —
Воли жене пугать бабайками мальчонку,
Пока не замолчит.

С младенчества дитя учи отборной брани,
Стараний не жалея.
И вот они, смотри, плоды твоих стараний:
Мальчишка все наглей!

Открой его глазам нескромности природы,
Пусть знает, что к чему,
Пусть видит наперед все выходы и входы,
Готовый ко всему.

Одним его не мучь, — не посылай учиться,
Не мнужь его обид.
Придет пора: поймет, привыкнет, наловчится,
Словчит — и будет сыт.

Вдолби ему в башку поверия, и страхи,
И все, чему учен...
Пусть думает, что мир стоит на черепахе —
Не все ль равно, на чем?

Постычь, что плутовство — доходное занятие,
Довольно для юнца.
Пусть пьет, ворует, врет, купается в разврате —
И радуется отцу.

Но вот твой дом богат и сахаром, и пловом...
Всего не перечести!
Да! Вырос твой сынок отлюдь не безголовым —
Хвала ему и честь!

И вдруг — арест, тюрьма, и сына ждет расплата...
Ты в ужасе... Бодрись!

Борясь, купи судью, присяжных, адвоката,
В лепешку расшибись!
Но приговор суров... Последнее свиданье...
Последнее прости...
Ты нищ и одинок, и скудно подавайье,
Зажатое в горсти,
И душу не спасти...
Деньжонок наскрести,
На ужин набрести...
Ученому ловеки
Не быть в такой чести!

1906

ПОЧЕМУ ЖЕ?

Нашей душою наука была,— почему же,
Родину к свету наука вела,— почему же,
Зеркалом жизни наука была,— почему же,
К знаниям она, к совершенству авала,— почему же
Наши «вожди» проклинали ее, словно яд?
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

Если действительно все уважали науку,
То почему же науке не подали руку?
Нет, отвращенье она вызывала и скуку;
Не единение с ней предпочли, а разлуку.
И устыдилась, измену встречая стократ,
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

Ценит вино не бутылка, а уста винодела.
То, что понятно душе, непонятно для тела.
Неуч поймет ли, что мастером сделано дело?
Перед наукой замешкались мы оробело.
Нас обогнали соседи — идут, не стоят.
И умерла, и сомкнула страницы «Хаят».

Пусть настоящей победы соседи добьются,
Пусть их газеты в несметном числе издаются!
Нам,— если даже над этим они посмеются,—
Много и двух! Пусть в одну они лучше сольются.
«Знание вредно!» — так пророки ислама твердят...
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

О превосходстве врагов нам печалиться вечно.
Время ислама, увы, не кончается вечно.
Преданность истине не замечается вечно!
Если от тела душа отлучается вечно?
Люди в мирок свой от мира уйти норовят.
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

Чтобы народ наш невежества сбросил оковы,
Будем трудиться всосчасно, упорно, толково,
Будем науке служить, осуждая сурово
И хвастуна, и бездельника, и пустослова.
Видела лень и неправду, разврат и разлад,
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

Чахнет наука — невежеством мир опоясан.
Жить человеку не стыдно пустым лоботрясом:
Были бы только к столу баклажаны да мясо,
Лишь бы дремать на тахте, что покрыта паласом.
Видела: нация спит, завернувшись в халат.
И умерла, и закрыла страницы «Хаят».

1906

ЖАЛОБА СТАРИКА

Увы, я стар. Я очень стар. О молодость моя,
К тебе возврата нет!
И все, что вижу я кругом, не радует меня,
Как в пору юных лет.

И так я немощен теперь, что даже палку мне
Не удержать в руках.
Былые дни передо мной проносятся во сне,
Увы, увы и ах!

Спина согнулась, борода сверкает сединой.
Неважные дела!
И вот мне бороду жена под вечер мажет хной,
Чтоб темною была.

А был я некогда силен, весь мир считал своим.
Любой бедняк знаком
Был с плеткою моей витой, а нет,— тогда с моим
Чугунным кулаком.

В те дни я пил, гулял и мог все делать, что хотел.
И деньги бедняков,
Без капли жалости в душе, присваивать умел
Я силой кулаков.

Теперь от старости ослаб, дошел я до черты,
Но дружбой не согрет.
Кто посочувствует, что я скатился с высоты,
Кто мудрый даст совет?
Где власть минувших лет?
Затмился белый свет!
Мечтаю о былом,
Иных желаний нет.

1906

ЛИЦЕМЕРУ

Лишь в мнении людей будь чист перед аллахом.
Свята такая ложь.

Тан в себе огонь, прикинься холодным прахом —
И целый мир сожжешь.

Купи священный сая угодивостью сладкой,
Обаведясь абой.

Внимание привлеки к абе своей — пусть всякий
Любуется тобой.

Следи за бородой, как за любимым сыном, —
Да славится она!

Купи кушак; учти, чтоб десяти аршинам
Равна была длина.

Итак, ты облачен в такое одеянье,
Что сразу стал умней, —

Недаром ты свискал почет и почитанье
В кругу святых мужей.

Без четок не ходи, и между разговором

Бубни: «Аллах, аллах...»

Будь горд — но не спесьив, будь строг — но кроток взором,
Нетороплив в речах.

И вот уже твердят: от твоей до папачи

Он честен, как святой.

Ты своего достиг! Забыты беды, страхи...

И этот мир — он твой!

Ты можешь грабить, жечь — лови свой час, решайся:

Не упускай; спеш!

Ты властен надо всем — суди, распоряжайся,

Хватай и потроши.

Тирань сирот и вдов — не бойся божьей кары:

Тебя хранит твой сан.

Коварствуй, но молись: да сгинут злые чары

И нечисти дурман.

Возрадуйся, тиран,

Алчбою обунь...

Где ты, царит обман...

Пускай забыт коран,

Зато набит карман!

1906

Речь проповедника — сладка. Пытливой на него взгляни!
В том сладкоречье яд гюрзы, на тех, кто в сраме,— посмотри!

Чем на дворянское лицо смотреть с надеждою, бедняк,
Уж лучше в саване ступай к могильной яме!.. Посмотри!

Ты хочешь знать, кого у нас интеллигентами зовут?
Взгляни на карты и вино... В грязи их знамя!.. Посмотри!

Их разговоры и дела — политиканство, болтовня.
Можь укрывается у них за похвальбами — посмотри!

1907

НЕ КРИЧИ, СПИ:

Спи, курица!.. И хоть во сне наешься проса до зари!
Потише!.. Коршуи над тобой парят кругами,— посмотри!

В курятник прятаться — нельзя! Гуляй поменьше во дворе!
Хозяйский нож сверкает. Смерть — не за горами!.. Посмотри!

От тех яиц, что ты спосла, не вздумай ожидать цыплят!
На сковородку загляни! В очаг, на пламя посмотри!

Как зангезурец, не кричи о хлебе, о зерне своем!¹
Разбогатели хан и бек, став торгашами,— посмотри!

Не доверяйся языкам тех, кто о храбрости твердит.
Как в миг опасности они бегут скачками — посмотри!

¹ Зимой 1906 года в Зангезурском уезде Карабаха был голод, вызванный недородом и закрытием дорог, что, в свою очередь, было связано с армяно-мусульманскими столкновениями. Начались волнения, и в Зангезур были посланы войска для умирения восставших.

**ЧТО МОЙ СЫН НАПЕЛ
В УЧЕНЫЕ?..**

Ну, что хорошего напел мой сын в ученье?
Долбит все то же! Ах,
От чтения книг, газет и прочей дребедени
Мой милый сын зачах!

Читает день и ночь, — сошел с ума, как видно.
Другой надежды нет,
Как на тебя, аллах! Обидно мне и стыдно!
Жена, подай совет!

Все ты, проклятая, ты, ведьма, виновата:
Не ты ли в дом внесла
Заразу книжного, безбожного разврата?
Молчи, исчадьё зла!

Тебе, злодейка мать, глаза бы вырвать надо:
Свое дитя любя,
Какая мать его низвергнет в пламя ада?!
Бог покарай тебя!

Кто вынудил меня отдать мальчишку в школу?
Ты, ты, пайтана дочь!
Что делать думаешь? Ведь мы в беде тяжелой.
А чем беде помочь?!

Как мальчика спасти? Где взять бальзам целебный,
Представить не могу!
От книжек и газет, от чепухи учебной
Туман в его мозгу.

Мой дом разрушила, сгубила сына, дура,—
Конец мне самому!
Знать не хочу наук, что мле — литература,
Искусства мне к чему?!

Мечтал я, чтоб мой сын добился уваженья
Без глупых, вредных книг,
Чтоб сильным кулаком — богатства, положенья
Легко, как я, достиг.

Хотел я, чтоб мой сын подобен стал Рустаму,
Чтоб славу заслужил
Разбоем, грабежом, и, преданный исламу,
Он жил — и не тужил!

Из-за тебя, жена, погиб сынок мой милый, —
Несчастный я отец!
Смотри, как сохнет он, всегда унылый, хилый,
Неопытный птенец!

Ай, непутевый сын, — мое страданье, мука!
Когда же ты поймешь,

Что денег не сулит нам книжная наука, —
Нам их дает грабеж!

О свет очей моих, меня счастливым сделай, —
От книжек отрекись —
Сядь на копя, скачи: преуспеваешь смелый!
Так за разбой берись!

Себя ты изведешь учебною усердной.
От грешной чепухи
Скорее откажись, прочь, прочь от книжной скверны,
Оставь, сынок, стихи!

Как ни был бы учен — а никому не нужен
Без денег человек!
В морях поэзии будь лучшей из жемчужин, —
Оценят ли в наш век?!

Ты роду моему почтенному изменник, —
Черт побори!
Пойми, ученостью не наживают денег!
Ну что ж — дури,
Читай, зубри,
Жри сухари,
Вопи, ори
И хоть сгори, —
Себя кори!

1907

КАК СКВЕРНО МНЕ, АЛЛАХ!

Вай-вай, как трудно стало мне, как скверно мне, аллах!
Ей-богу, я горю в огне, спаси, податель благ!

Горсть недругов черпик ислам, забыв и стыд и страх,
Непослушанье пробудить хотят в твоих рабах.

В такие злые времена мне жить припилось, ах, ах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Повсюду к жертвам нас зовут, к созданию школ зовут,
Поставить доску в каждый класс, поставить стол зовут,
Зовут нас розги отменить, к нам произвол зовут,

И выставить скорей из школ почтенных молл зовут,
И пригласить взамен моллы учителя, ах, ах!

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Что значит он, зачем он к нам пристал, учитель тот?
Чтоб в год пятьсот — шестьсот рублей хватал учитель тот?

Чтоб новый метод применять он стал, учитель тот?

Чтоб, загребая свой оклад, сиял учитель тот?

Чтоб, видя этот капитал, молла вдыхал: «Ах, ах!»

Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Уж год, а то и больше, я расстроен, изнемог,
К работе руки не лежат, к делам — не двинуть ног:
Ах, даже у детей моих какой-то новый слог!
Ах, это все в моих ушах трещит, свидетель бог!
Права... свобода... Порт-Артур... Маньчжурия... размах!..
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Клянусь былым, сошли с ума, развращены они!
Ислам!.. Безверьем новых дней заражены они!
О, как понять, во что теперь превращены они?
Какой-то там свободе все душой верны они!

Такие, право, молодцы — не выразить в словах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Ах, неужель минувших дней никто нам не вернет?
Ах, неужель им не дано продлиться лет пятьсот?
Науки, знания, мораль, мы дали б вам расчет.
О ненавистный прошлый год и позাপрошлый год!
Сгореть бы вам, чем у неведжд будить огонь в умах!
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

Не знаю, чем я занят был, что не видал ничуть,
Как прежние враги наук избрали новый путь?
Такою верой в этот путь наполнена их грудь,
Что когти горя рвут меня и не дают уснуть.
Как знать, потерпят ли когда стремленья эти крах?
Нет, быть не может перемен, раз не велел аллах!

1907

Мне говорят: бросай свою работу.
Жаль, не могу я воздухом кормиться.

Мне говорят: так сгинь, глупец, со света.
Да, дядя, ты верно заметил, я вижу и сам,
Что не могу так жить. Осталось это,

1907

НЕ МОГУ

Пусть не могу учености добиться,
Но не могу я к свету не стремиться.

Теленок вырос, вместе с ним и травка,
А я вот не могу остановиться.

Мне говорят: молчи, стыдись, новежда,
Но чистой правды не могу стыдиться.

Я не могу назвать луною солнце,
Покуда разум вовсе не затмится.

Бездомен я, в лицо мне ливень хлещет,
И не могу нигде я приютиться.

Мне говорят: ты вздор несешь, безумец,
Но не могу я с этим согласиться.

Б О Ю С Ъ!

Когда я брожу по степям, по лесам,
Колочий топтать бурелом,— не боюсь!

И если брожу среди знойных пустынь,—
С диковиным встречусь зверьем,— не боюсь!

На море, когда на мой углый челнок,
Обрушатся буря и гром,— не боюсь!

Воющую вижу толпу дикарей,—
Навстречу иду напролом,— не боюсь!

На темную гору паду, словно луч,
Вулкана, что дышит огнем,— не боюсь!

В ущелье войду, словно легкая тень,—
Увижу змею — что мне в том? — не боюсь!

А в заросли спрячусь, уйду в камыши —
Там встретиться с яростным львом,— не боюсь!

Когда на кладбище встанут из могил
Вампиры во мраке ночном,— не боюсь!

В развалинах бесы и духи подчас
Кружатся, как мошки, столбом,— не боюсь!

Немало загадочных, странных людей
Встречаю в скитанье своем,— не боюсь!

Короче, всего, что случается мне
Увидеть на шаро земном,— не боюсь!

Но — какось! — что вместе с бесстрашьем таким,
Как только — аллахом клянусь я святым! —

Войдет мусульманин в мой дом,— я боюсь!
Мне страшно дышать между живых, дурных!

Я вижу кровавые замеслы их,
Жить рядом с коварством, со злом — я боюсь,
Боюсь, боюсь, боюсь!

1907

СВОБОДА

Мне горечь рот свела, хочу вкусить твоих щедрот, свобода!
Дай мне изведать: ты халва или сладчайший мед, свобода.

Приспился берег мне морской, пусть сон мой сбудется скорее!
На нем лежат гора горой,— в мешках отправки ждет свобода.

Свобода свалена в тюках, завязанных веревкой прочно,
Давненько я мечтал о ней, пусть мне перепадет свобода.

Я стал покорнейше просить: «Друзья, мне дольку уделите!
Кусочек только. Знать хочу, что беднякам дает свобода».

«Прочь! Руки коротки твои! — мне крикнул кладовщик сердито.—
Тебе, чужак, не разрешит вкусить запретный плод свобода!»

Не знаешь, что ли, простота, что суждена она Ирану?
Зачем красавице урод! Знай, на таких плюет свобода!»

Я, огорченный, отошел в сторонку, грустно ожидая,
Что, погрузившись на корабль, покинет нас вот-вот свобода.

Трель полицейского свистка... И двинулся корабль громадный,
В свободном море по волнам медленно плывет свобода.

Но вдруг огромный черный флаг затрепетал на главной мачте.
И появился этот скорбный знак: там ждут — сейчас умрет свобода.

Нерасторопный капитан был смыт бушующей водою.
Что ж, должен потонуть корабль, с ним вместе пропадет свобода.

Кипят и неясны валы, всумолимо наступая,
Истощенный вопль услышал я и понял, что орет свобода.

Крик разбудил меня. Я встал и, на часы взглянув, промолвил:
«Ночь глубока. Усни, бай-бай, пока не рассветет, свобода!»

1907

ПЕСЕНКА АРИСТОКРАТА

Как затесался ты сюда? В грязи родился ты, рабочий,
Так почему же втерся к нам и возгордился ты, рабочий?

Глулец! Когда молчат с тобой, ты с нами споришь с видом
чванным,

Не дожидаясь у дверей, прешь прямо в зал в отрепье рваном,
Как равный, с беком говоришь, тягачешься с почтенным ханом,
Опомнись! Во дворец вступив, как не смутился ты, рабочий!

Кричишь, орешь не устасишь и рубишь доводы с размаха.
Поцрав приличия, дерзишь, лишенный тремета и страха.
Иль ты забыл, что на тебе — твоя облезлая папаха?
Иль нищеты своих одежд не устыдился ты, рабочий?

Ведь морда просит кирпича, а хочешь корчить красная.
Когда я на таких смотрю, глаза слепит мне боль тупая.
И кто же их сюда занес? Откуда ты, напасть такая?
Откуда эти бедняки? Как распустился ты, рабочий!

Какой порядок прежде был! Бедняк покорен был от века,
Краснея, дрожал и уважал владетельного человека,

Согнувшись вдвое, до земли он кланялся при виде бека,
В те дни, как преданный слуга, на нас трудился ты, рабочий.

Теперь другие времена, не знает голытьба препятствий,
Бедняк приходит без сапог, шумит о равенстве и братстве.
Как видно, больше нам не жить в шокое, в сытости, в богатстве
Теперь слепой народ прозрел и пробудился ты, рабочий!

Считая до получки дни, работай, устали не зная,
Не вылезай из нищеты, она — юдоль твоя земная.
Ты светлой требуешь судьбы? Но не дана тебе иная:
Смиривный, жалкий, — лишь такой всегда годился ты, рабочий!

Ты ищешь блага, — разве ты блистаешь саном, знатным родом
Учиться хочешь, — разве ты богат казной, большим доходом?
Величья жаждешь, — разве ты в пирах проводишь год за годом
Быть может, в бархат, шелк, атлас принарядился ты, рабочий!

Ты чванишься, наглец, но где твой кошелек, твои монеты?
Где барышни, где кутежи, твои Магильды и Аннеты?
Скажи, где карты и вино, твои личные кабинеты?
С толпою пьяных богачей, скажи, поделся ты, рабочий!

Да если бы господь желал, ты был бы и богат и знатен,
Как мы, купался бы в деньгах, беспечен, весел и развратен.
Стыдись! Куда ты ирешь? Твой вкд — пойми — противен,

неприятен

В своем ничтожестве ужель не убедился ты, рабочий?

С пустыми бреднями ужель не распростился ты, рабочий?
Тогда желаю, чтоб ко всем чертям катился ты, рабочий!

1907

60

К МОЛЛА НАСРЕДДИНУ

Не пессим ты вскачь, Молла! Эй, с арены прочь, Молла!
Мусульман огнем сатир больше не порочь, Молла!
Ох, до адского огня очень ты охоч, Молла!
Сам себя же ты извел, как глупец точь-в-точь, Молла!
Ты немыслящих ослов баснями морочь, Молла!
Мы же знаем толк по всем! Нам уже невмочь, Молла!

Ну-ка, прямо говори, что пристал ты к нам, как бес?
Мы ж ни благости твоей не видали, ни чудес!
Стал картинки рисовать — в обществе тернешь вес,
С маляваньем своим в неприятность только влез.
Видно, скоро ты творца отрицать начнешь, Молла!
Правду про загробный мир заклеимши, как ложь, Молла!

Ты ученый человек, мусульманин, ты бы сам
Стал каноны толковать, укрепляя тем ислам.
Заново перескажи «Сорок поугаав» нам,
А про совесть рассуждать перестань, не будь упряма!
Ну, к чему свобода ей? Веру ты упрочь, Молла!
Про гылманов, гүрий нам пой и день и ночь, Молла!

61

О деяниях святых нам поведай и о том,
Как нам ближнего раздеть, завладев его добром.
Вспомним о святых отцах, их посланья перечтем,
Пусть враги болтают нам что угодно о былом!

Ты постельку постели, ляг, свой пыл умерь, Молла!
Муж науки, что тебе делать то теперь, Молла?

Ты в мечети возведай небылицы — идем давно!
И амбары наполняй ты пшеницей! Неи вино!
На народ накинь узду, одурачивай умно!
Женщину раскрепощать? Да тебе не все ль равно?

Сын Адама — человек, а совсем не дочь, Молла!
Дочь — животное, и ей плеть должна помочь, Молла!

Мучителем лучше стань, навербуй себе друзей
И, в невежду превратясь, тьмоту повсюду сей!
Ты оставь сеидов, молл, с плутнями, с их сутью всей!
Не болтай об их грешках! Есть ли прок в беседе сей?

Ты смотри: они в чалмах, им почет велик, Молла!
Чтоб ислама не задеть, прикуси язык, Молла!

Связь меж богом и дождем, еретик, ты отрицал.
Пистину о том, что мир держит бык, ты отрицал.
Что над нами — семь небес, напрямик ты отрицал.
Джиннов, бесов, ведьм, чертей — злой язык, ты отрицал!

Слишком много ты познал, заблудился ты, Молла!
Богохульством не черни белые листы, Молла!

Обмотайся кушаком, четки где-нибудь добудь
И, рассказывая сны, истолковывай их суть.
Для чего тебе Иран выводить на новый путь?
Ты картинок не рисуй, дай от мерзких отдохнуть!

Для чего ты про Иран столько лжи наплел, Молла?
Будто разорен совсем он руками молл, Молла!

География твоя нам несколько не нужна.
И без всяких теорем жизнь загадками полна.
Геология! Смотри: лезет внутрь земли она!
Чем науки изучать, изучи коран сполна!
О грехах умей судить, о спасенье душ, Молла!
Нам обряды важно знать, а наука — чужь, Молла!

Лучше опиум кури, а войну и мир не тронь.
Ты на бога положишься, а искусство брось в огонь!
На пожитки сироты набредешь — не проворонь!
Накурись — да на ковер, да под голову ладонь!
О торговле рассуждать начал ты опять, Молла,
Суевериями нам любо торговать, Молла!

Что волишь ты, если вдруг крошку замуж отдают,
Если засуха была и не в меру голод лют,
Если, что ни день, гадки новых жен себе берут,
Если не хотим сорвать мы с души отсталой пуг?
Ты обычаев не тронь, грех большой весьма, Молла!
Эх, беднига, ты погиб, спятил ты с ума, Молла!

Что? Не спится? И не спи! Сон со временем придет!
Но забудь, не трогай молл, не буди простой народ!
Ханов, беков не терзай! Пусть старинкой люд живет!
Пусть котел кипят себе, не бросай в него ты лед!
Мало пользы от наук чрево извлекает, Молла,—
Чрево ханов, беков, молл и других господ, Молла!

1907

Я РАЗВЕ НЕ БЫЛ ПРАВ?

Ну, что ты скажешь, где теперь твоя мечта былая?
Не ты ли звал, не ты ль стонал, надеясь и пылая?
Теперь ты понял, какова твоя ошибка злая?
Ты проклял ли свои дела? Я разве не был прав?

Не ты ли говорил, что ты здоров и всем доволен?
Не я ли говорил, что ты расстроен, слаб и болен?
Не ты ли возражал, что ты в своих поступках волен?
О ты, чья доля тяжела,— я разве не был прав?

Не ты ли уверял меня, что членам Энджумена
Противен Атабек, что с ним покончат непременно?
Но что же сделал Энджумен? В его рядах измена!
И жизнь по-старому пошла... Я разве не был прав?

Не ты ли мне твердил всегда, что веришь Думе свято?
Не я ль твердил, что на нее надежда слабовата?
Кого ж туда послал Баку? Где помощь депутата?
Ты не созрел, не понял зла... Я разве не был прав?

Не ты ль сказал, что нам теперь лишь Дума вномлет чутко?
Не я ль сказал: «Поменьше ешь — вот польза для желудка!»?
Куда ни глянь, кругом туман, везде черно и жутко.
Сгущается над нами мгла... Я разве не был прав?

Не ты ль твердил, что нас теперь сплотило единенье?
Не я ли, помнишь, говорил, что в этом есть сомненье?
Что мы способны лишь на брань, и зависть, и гоненье?
Все обнажилось догола: я разве не был прав?

1907

КАША И МЯСО

На кашу в домах лабретаю подчас и на мясо,
Бросаюсь — еда хороша даровая! — на мясо!

Хочу, чтобы люди всегда для меня не скупились,
На вкусные яства и — так я мечтаю! — на мясо!

Подобно коту, что блудливо гуляет по крышам,
С урчаньем кидаюсь на дым пашлыкка я, на мясо!

Завяжу ли жирное мясо, висящее в лавке,
Как пес я очерюсь и чуть ли не заю на мясо.

Но слаще всего оно там, где голодные дети
Глядят со слезами, когда я глотаю, на мясо.

Родясь я крылатым стервятником, я бы садился
Туда, где валяется падаля гнилая, на мясо!

Иные безумцы под праздник все деньги растратят
На масло, на зелень — о, щедрость смешная! — на мясо!

Ведь мясо вкуснее, когда оно даром дается,
Брать в лавке накладно,— цена дорогая на мясо!

Народ мне противен! Едва бедняка я увижу,
Похож становлюсь я, от злости пылая, на мясо.

О, дивные деньги, в них скрыта души моей сила,
Зачем расточать их, родне отдавая на мясо!

Аллаха и веру отдам, но — Бахлух, будь покоен! —
Гроша беднякам не отдам никогда я — на мясо!

1907

НЕ ПУСКАЙТЕ

К свету нация стремится,— не пускайте!
К справедливости пробиться не пускайте!
Люди к правде рвутся смело,
Жить во тьме им надоело,
Плохо, плохо наше дело,— не пускайте!

Весь народ пришел в волнение, и при этом
Ворит он писанкам разным и поэтам.
Не идет уж он за нами,
И огонь под казанами
Разгорается все жарче,— не пускайте!

Молодежь, вы говорите? Ну и что же?
Нет почтения к старине у молодежи!
Пусть они бывают правы,
Но, взгляните, что за нравы:
Без бород, зато гривасты,— не пускайте!

Нам приятны колдовство и чародейство,
А наука и поэзия — злодейство.

Кто пошел по этой части.
От того одно несчастье,
Кто — шакал — со школой дружит.
Черным силам ада служит,
Этих воюющих шакалов не пускайте!

Зло исходит очень часто от поэта.
Бейте, бейте же безбожника за это!
Бейте, бейте же его, а сочиненья
Разорвите на клочки без сожаленья!
Он религию порочит, — не пускайте!
Над святынями хохочет, — не пускайте!

Он без совести и чести, — не пускайте!
Гром срази его на месте, — не пускайте!
Нечестивец и тупица,
Не желает он молиться, —
Пужно вместе навалиться, — не пускайте!
Удирает? Хочет скрыться? Не пускайте!

1907

ПОДРАЖАНИЕ

Вот с подноса сняли ткань.
Небывалой красоты.
Глянь! Расставлены на нем
Яства, будто бы цветы.
За столом обжор не счесть.
Ах, на кухне их мечты!
В горло их течет шербет,
Сахар услаждает рты.
Плов, белея как чадма,
Так и дразнит животы.
Предвкушенья этих яств
Сладостно до тошлоты.
Посмотри: среди гостей —
Никого из нищеты.
Время ужина пришло —
Проповедник, где же ты?
 Без дельца делам не быть!
 Без тебя пирам не быть!

Что ж, пора! Твой амцетит
Разыгратья должен, рьяный,

Для постыющихся людей
Наступает миг желанный:
Скатерть — в блюдах! Над столом
Пар встает благоуханный.
Эти яства, помолясь,
Вкусит знатный, вкусит званный.
Здесь, куда ни поглядишь,—
Духовенство, беки, ханы!
Души жалких бедняков
Запах блюд изводит пранный.
Сердце ж знатных веселит
Эти жирные бараны.
Потерпи, бедняк, пускай
В сердце муки, в сердце раны!
 Без нужды рабам не быть!
 Без тебя — скорбям не быть!

Наблюдая старый мир,
Вижу старые явленья:
У ледужного — недуг,
У богатого — именья,
У голодного — мечты,
У кушца — обогащенье.
С кровью сердца слезы лью
От обид и возмущенья.
Смогут ли мои глаза
Эти вынести мученья,
Если в сердце у меня
Не удвоится горенье,
И стихи не станут жесть
Грудь мою до истощенья.

И не станет подражать
Вснним птицам вдохновенье?
 Нет, без слов певцам не быть,
 Без певца — стихам не быть!

Так отдай печаль певцу,
Человек нужды и бед!
Час настал, чтоб всех скорбей
Стал носителем поэт,
Чтобы стих свободный мой
Над тобою пролил свет,
Чтобы, увидав тебя,
Каждый восскорбел в ответ,
Чтобы образ твой живой
В их глазах оставил след.
От богатых благ не жди,
Если ты разут, раздет.
У бездушных богачей
Уваженья к просьбам нет.
Лей ручьи кровавых слез,
Ты, поблекший с давних лет!
 Без несчастий нам не быть!
 Без тебя — слезам не быть!

1907

САМОВОСХВАЛЕНИЕ

Мы, пленники веков, живем в цепях судьбы.
Но не бродяги мы, не нищие рабы.
Не только мудрецу, известно и невежде,
Что, честь блюди свою, живем, как жили прежде.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Привыкнув жить во тьме и лени с детских лет,
Мы — вечные отцы раздоров, распрей, бед.
Взямая с ближних дань, мы смотрим воровато:
Нельзя ли их лишить последнего халата?
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Едва почил в земле великий Меликпаш,
Мы тут же стали жить друг с другом на ножах.
И так нам удалось в борьбе себя ослабить,
Что враг взомел на трон и край наш начал грабить.
Как видишь, честь свою несем мы сквозь века!
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Чингиз нам, как глава, был нужен позарез.
Мы с конницей его не зря пришли в Хорезм.
Бежал хорезмский шах. А мы, резвясь как черти,
Дома и школы жгли и рушили мечети.
Повсюду нам почет. Запомнят нас века!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

К вам крестоносцы шли. И зазвенел булат.
Всех рыцарей побив, вернулись мы назад.
Но друг на друга тут рванулись наши кони.
И стали мы сады свои рубить под корень.
Трудились мы, пока держала меч рука,
Мы — шоры на глазах народа-простака.

Чернобаранными считали мы себя,
Белобаранными считали мы себя.
То в Анатолии, а то — в Азербайджане,
Как долг и честь велют, друг друга поражали.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Потом пришел раскол. Делились — пополам:
Тех принял хан Ильдырым, а этих — Тамерлан.
Потом и стон и крик стоял над Анкарою —
Там кровь пускали мы и исходили кровью;
Стрелки мы и мипень для доброго стрелка.
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Во славе — Тамерлан! Во прахе — Тохтамыш.
В Кызыл-Орде людей мы сбрасывали с крыш.
Но вот Кызыл-Орда, расцвистись, опустела.
Тогда московский царь пустил дружины в дело.

И что же? Власть его для нас была сладка.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Султан Селим или шах великий Исмаил,
Не помню, первым кто ислам наш раздвоил?
Но раздвоила нас: одни пошли в сунниты.
Другие — то-то грех! — немедленно — в шииты.
Тех и других судьба, увы, с тех пор горька.
Мы — шоры на глазах народа-простака!

Недуг тот шах Надир поклялся излечить.
И, прежде чем в землю достойно опочить,
Войной решил пресечь он эти две болезни.
Где сыщешь средство ты разумней и полезней?
Но мы, его убив, забыли старика.
Туранцы мы! Свой род ведем издалека!

Вот зрелище опять! Какая, право, новь!
Из-за куска земли мы перегрызались вновь.
И, воскресив слова «иранство» и «османство»¹,
Мы вновь ведем войну и вновь чиним тиранство.
Мы подняли клинок и гибнем от клинка.
Мы — шоры на глазах народа-простака.

1907

¹ Религиозные фанатики разжигали рознь между иранцами и османцами (турками), используя то обстоятельство, что эти народы принадлежали к двум враждующим толнам ислама (иранцы — шииты, турки — сунниты).

МЫ — БЛАГОЧЕСТИВЫЕ

Все наши помыслы с тобой, о женщина, жена!
К тебе, свет сердца, рай земной, мечта устроена!
Не так любовь к стране родной, как страсть к тебе, сильна!
Что делать? К родине любовь слабеет с каждым днем!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Высок ли ты или низкоросл — ты страстью наделен.
И даже в старости любовь нам сладостней, чем сон.
По обе стороны у нас всегда по паре жен.
О страсть! Мы все — твои рабы! Сожмись мы на одном:
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Чуть вечер — проверяем мы, каков порыв у нас,
И плет судьба желаний рой нам в долгожданный час.
А утром — в баню мчимся мы, забыв свершить намаз.
И, омываясь, предстаем с молитвой пред творцом.
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Обычай шейхов наших дней лишь этим и хороши,
Его в наследство от отцов приняла молодежь.

Кто говорит, что вялы мы? Неправда это, ложь!

Мы ради страсти кровь пролием — пусть грянет славы гром!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

И пусть другие жен своих правдиво судят, пусть!

И пусть с женою дружат муж, любить не нудят пусть!

И пусть с единственной женой весь век пребудет, пусть!

Ах, прибавляем жен-сийга мы к нашим четырем!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Нам по числу случайных жен и отдают поклон.

И мы с одеждой наравне своих меняем жен.

Что женщина? Рабыня нам, у нас таков закон,

Была свободной, по рабой ее приводим в дом!
В супруги каждый день себе другую мы берем.

Вы, люди, рождены для битвы, для грабежа, разбоя,
Шайтаны созданы иначе, мы — не такие люди!

Иль вам не жалко, что исчезнут невежества остатки,
Что заживут без войн кровавых и слез — впервые люди?

Приказывает нам жестокость: «Уничтожайте братьев,
К чему любовь, и мир, и дружба, к чему живые люди?»

Завесу темноты не рвите, но то вы убедитесь,
Что окружают вас повсюду шайтаны — злые люди!

1907

ЛЮДИ!

Из недр земли кричат шайтаны: — О вы, дурные люди!
Склоняются к наукам, знаниям края земные, люди!

Кто сеет знания? Объясняет? Все время рассуждает?
То подстрекатель, смутьяны, то — озорные люди!

Лишатся славы и почета мушлы и богатеи,
Когда вкусят плодов науки народ, — простые люди.

Захочет ли тиран жестокий, чтоб наш народ был зрелым?
Готовы ль с этим согласиться у нас иные люди?

Проснувшись батрака, во имя законных прав сражаюсь.
Где ж беки, ханы, агалары, где все другие люди?

Вас кормят вздором, дребеденью и всякой чепухой
Писаки, головы шальные, глупцы, пустые люди!

От зла не надо удаляться и приближаться к благу:
Казните, жгите, убивайте, как в дни былые, люди!

Уже все мусульманские мальчишки кричат: «Аллах!
Кужто он скончался?! Все пронало! Как мертвый спит!»

Кой-кто уже из русских дам, представьте, щебечет: «Ах!
Кудь этот мусульманин, я слыхала, как мертвый спит!»

Аман, дядя Молла, теперь по книжке нам растолкуй:
Кужто этот богатырь удалый как мертвый спит?!

307

УМЕР?

Черт побери, уснул же этот малый! Как мертвый спит!
Не пшевельнется даже одеяло! Как мертвый спит!

Поробудил родню и всех соседей тревоги шум,
А он все спит, ему и горя мало! Как мертвый спит!

Не скажешь, глядя, что, как все живые, проснется он:
Сон мертвеца! Такого не бывало! Как мертвый спит!

Чуть бьется пульс. Он дышит или не дышит — не разберешь.
Кровь, видимо, остыла, гуще стала,— как мертвый спит!

Клещи или блохи присосутся к телу — все нипочем!
Хоть скорпион в него вонзал бы жало,— как мертвый спит!

Каких только врачей к нему не звал я — ответ один:
«Плюнь! Не помочь нам этой кляче палой! Как мертвый спит!»

Тут ли массажем и ни прижиганьем спасти нельзя:
Он даже разлагаться стал, пожалуй! Как мертвый спит».

СЫНУ

О, богатств моих расточитель злой,
Мой несчастный сын, мой мучитель злой!

Просвещения друг, мерзкой школы друг,
Ты не можешь жить без своих наук!

В день, когда на свет появился ты,
Как и счастлив был, что родился ты.

Я сказал тогда: «О мой сын, пойми:
Ты — наследник мой, честь моей семьи!

От заслуг моих будешь ты сиять,
Будешь радовать ты отца и мать.

Если в мир иной перейду я жить,
Все мое добро станешь ты хранить».

Я не знал, что есть у науки власть,
Что сожрет тебя эта злая страсть.

Мой ученый друг обманул меня:
В роковую сеть затянул меня.

Я послал тебя в этот страшный дом —
Ах, зачем я жил не своим умом?

Крепкий корень свой подрубил я сам,
И светильник свой погасил я сам.

Но ошибку пусть совершил отец,
Светлым дням своим положил конец.

Так зачем же ты по тому пути,
Не жалея сил, так спешешь идти?

Не пора ль тебе, мой сынок устать,
От ученых дел наконец отстать?

Я вчера сидел, проверял счета:
В кассе денег нет — и душа пуста.

Покупать, поверь, сотни книг нельзя:
Торговать совсем из-за них нельзя.

Ну, тетрадей пять ты б себе купил...
От кого такой непомерный пыл?

Карандаш, перо, кто придумал вас?
Лучше б он ослеп в тот недобрый час!

Пожалей меня, не давай сгореть!
Трудно золотом было сделать медь.

Деньги попусту, мой сынок, не трать —
Не расстраивай ты отца и мать!

То один пустяк, то другой пустяк —
Капитал мой весь, видит бог, иссяк.

Все здоровье ты потерял, сынок:
Почернела кровь, и лицом поблек.

Ох, опасен он, твой недуг, поверь!..
Боже, кто его исполнит теперь?

Ты не спишь, не ешь и не пьешь совсем,
Стал за книгами пехорош совсем.

Говорю тебе: «Отдохни, приляг...»
Нет, ты отдыха и прогулок враг.

То бормочешь ты, позабыв досуг,
То закаркаешь, как ворона, вдруг!..

Вот пришла весна, принесла цветы —
Неужель отца не утешить ты?

Ты б, как сверстники, встретил эти дни, —
На лугах теперь и в садах они.

Те гулять пошли на простор холмов,
С тордым соколом затевают лов;

Эти пить, кутить собрались тайком —
Кто в занятиях их упрекнет таком?

Этот картами увлечен герой,
Тот любовною занялся игрой, —

Каждый в чем-нибудь или как-нибудь
Сметкой, смелостью норовит блеснуть.

Силу в обществе укрепив свою,
Каждый радуется, веселит семью...

Благо вам, отцы, коль таких детей
Вы для радости обрели своей!

1907

ВСПОМНИ!

Когда совершают поминок обряд
И дом в неизбывной печали затих,
В чалмах именитые люди сидят
И четки мелькают меж пальцев у них,—
Хозяина грустные мысли томят,
А мысли о пище — гостей дорогих;
Когда фисинджана вдохнешь аромат
И мясо окажется в пальцах твоих —
Тогда, хоть случайно, ты вспомни меня!

Когда угощение вскипает в котлах,
Потом на тарелки идет из котлов
И важные люди, забыв о делах,
Степенно вкушают дымящийся плов,
А рядом, за дверью, не моликает: «Аллах...» —
Бездомных и нищих униженный зов,—
Приносят шербет — о, услада услад! —
Ты чашу подъемзель — о благодатный миг! —
А голод с печалью за дверью стоят —
Друзья неимущих, бездомных, нагих,—
Грустя чрезвычайно, ты вспомни меня!

Когда миллионщик, обделав дела,
На бедных ничтожную долю дает
И, деньги считая, верховный молла
С молитвой своей пред творцом предстает:
«О боже, лишь нам, лишь достойным хвала,
А эти, за дверью, — презренный народ...» —
Сосчитаны деньги и в пачках лежат,
И вот они скрыты в карманах больших,
И шейхи, с молитвою, тайно едят
Плоды, что заделал бедняк не для них,—
О, явно или тайно, ты вспомни меня!

1907

ПРИЗВАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

О судьба моя ты злая, что за дни пришли, не знаю, то дело я стенаю, но живу — в огне сгораю, без конца в слезах, бы краю, сердце кровью обливаю, а сильной претерпеваю, чем т горестей и бед, — от журналов и газет, где писакя — хуже не узнаю гяуров след! — у меня во цвете лет отнимают солнца све смело лашут всякий бред, ужасая весь ислам, призывая здесь и там, в каждом городе, селенье не забыть о просвещенья: пины девочкам открыты, чтоб малютки во всю прить мчались, классы по утрам, получали пользу там, чтоб к ученым степеням был для женщины путь открыт, чтобы шли, забывши стыд, в новых платьях в новый быт: та с грамматикой сидит, медицину эта чтит, а у третьей важный вид — о природе говорит; кнют письма, ох и ах, гибель скромности, аллах, страх и прах, туми в умах, все — впотымах; такой размах в их словах и в их дела в этой армии задр, взволновавших целый мир, чтоб язык мертвым был, чтобы камень их убил, чтоб навеки мир забыл слова и обращение, срам, бесстыдство, преступленье, злое дело просвещенье, их тлетворное стремление; ведь и знанье и умения каждой девушки лишь в том, чтоб держать в порядке дом шить одежду и стирать, шерсть расчесывать и ткать, тряпк

старые латать, дом и дворик подметать, каждый раз посуду мыть и варить, варить, варить, заслужив гостей хвалу, голубцы, кюфту, халву, из баранины — бозбаш, из фасоли — калу каш, фасинджак, чурек, лаваш — вот и все, что нужно знать тем, кто есть жена и мать, а не знаешь — по беда: знанье главное всегда заключается в другом; суть его, во-первых, в том, что, пришедши к мужу в дом, огрызайся, прекословь, будь там свекор или свекровь, чтоб не смели возражать, а умели улаживать, во-вторых — пускай жена будет хитрости полна: в мужа с деверем она бросит розни семела обязательно должла, чтобы дружбу многих лет в десять дней свести на нет, в-третьих — знать важней всего всех чертей до одного: джиппов, леших, домовых, самых страшных, самых злых, никого не позабыть, а, напротив, проявить здесь особенную прить, чтобы пользу получить, если здраво рассудить: скажем, стал ребенок ныть или попросту шалить — ими черта назовешь, шалуняшку бросишь в дрожь, — и ребенок стал хорош; так вот сразу и уймешь, от всех забот уйдешь и дулою отдохнешь.

Повелел ислам идти
Лишь по этому пути.
Ограничивай дитя,
Чтоб его от бед спасти!
Разобраться не берись,
Делом начатым гордись!
Что? Не веришь? Ну, не верь!
Не стыдись? Не стыдись!

1907

СЕТОВАНИЯ СКРЯГИ

О деньги, деньги, сила жизни, души и тела благодать!
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!

Все люди ищут вас повсюду и славят вас из рода в род.
Вы — лекари от всех недугов, мы это знаем наперед.
Вы для иных — источник всяких благоденний и щедрот,
Кто вас не ценит, — раздаст вас, чтоб нищеты не знал народ,
А я люблю вас, я люблю вас, меня не надо покидать,
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!

Все знают, что я сердцем предаю роскошной неге ваших глаз,
Готов глядеть и дни и ночи с подбосрастием на вас.
Я бога, веру и молитву отдам за золотой запас,
Клянусь, и грошика не трону, хотя бы мир погиб сейчас!
Как можно к сулдукам заветным голодных, нищих подпускает
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!

Я каждый день вас навещаю, оказываю вам почет.
Я искренне вам поклоняюсь, меня так страстно к вам влечет!
Я хожу вас, чтоб размножались, я знаю — любите вы счет,

И соли, сыру, корке хлеба веду я бережно учет.
Пусть я умру, коль перестану жалеть вас, каждый день считать,
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!

Тебя, мой капитал, я буду хранить, как жизнь, тобой владеть,
Напрасно деньги не потрачу ни на муллу, ни на мочеть.
Пусть мне мулда коран предложит, — не стану на него смотреть,
Я голым и голодным денег не дам сейчас, не дам и впредь.
Вовек вас нищий не увидит, хотя бы стал околевать,
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!

Без вас я день прожить не в силах, страдая, жду от вас вестей.
Я ради вас рыдать заставлю всех домохозяек и детей!
Поставлю честь свою на стражу, чтоб не похитил вас злодей,
Настанет день, — поверьте: жизнью за вас пожертвую своей!
Ужель наследникам — веселье, а мне — в тревоге трепетать?
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!

Увы, как только, многогрешный, я в преисподнюю войду,
Муллы начнут читать молитвы, взывая к божьему суду,
А вас наследники получают, получают на мою беду,
И тщетно жаловаться небу начну я, мучаясь в аду!
Я буду с болью из могилы на вас, бесценные, взирать,
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!

А что ж наследники? Помянут меня добром? О нет, о нет!
Они растратят вас, — не станет моих возлюбленных монет!
Начнут кутить я веселиться, пропьют и тот и этот свет,
Они возить начнут на тройках различных Сонек и Анвет,
Хваля красоток: «Вы прекрасны, приятно вас любить, ласкать,
За вас готов отдать я душу, за вас отдам отца и мать!»

БОЖЕ, СЛАВА ТЕБЕ!

За твоих бессердечных дворян, боже, слава тебе!
За набивших до края карман, боже, слава тебе!

За глядящих без дрожи на горе народа всего,
Но почет получивших и сан, боже, слава тебе!

За покой мясорубок живых, тех, что знают одно:
Лишь бы был пожирнее баран,— боже, слава тебе!

За людей, утопивших в крови столько братьев своих,
За твоих мусульман и армян, боже, слава тебе!

О, за кровь, что по воле твоей затопила Баку,
За страданий и слез океан, боже, слава тебе!

За рычащих твоих дикарей, за твоих кровопийц,
В чьих глазах лишь кровавый туман, боже, слава тебе!

За шакалов твоих городских,— их в пустыню б загнать
За кишащий зверями майдан, боже, слава тебе!

За чистейших людей, что всерьез помогают лжецам
Замышлить сверх обмана обман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно крадут в женской бане белье,
За бесчестных таких мусульман, боже, слава тебе!

И за тех, что спокойно глядят на такие дела,—
Их же совесть не тронул шайтан,— боже, слава тебе!

Вопрошая, всовышний, тебя: как не сжег ты земли? —
Говорю я, от радости пьян: боже, слава тебе!

Не решить мне загадки, лежащей скалой на груди!
Это только начало лутя, жизнь еще впереди!

1907

Ох, встревожили они племя, спавшее досель,
Безмятежности былой нам никто уж не вернет.

Даром хлеб чужой вкупать было нашим ремеслом,
И никто нам не пенял, не нускались козьи в ход.

Тот, кто шел наперекор, был анафеме предан.
Да и кто тогда с хулой выйти бы посмел вперед?

Ах, прошли те дни, когда власть у нас в руках была,
Нынче даже детлора нам проходу не дает.

Да, прошли, прошли они, золотые времена!
Я в покое пребывал, а народ — во тьме невагод!

1908

СЫНОЧЕК

Ай, бестолковый, глупый муж! Ведь наш сыночек очень мал.
Тебя он старым инаком по малолетству обругал.

Собакой дядю он назвал лишь по неопытности лет.
Смотри, ты не ругай его, так молод мой сынок, мой свет.
Быть рано некливым ему. Ему одиннадцать лет.

Что в жизни понимает он? Он не смышлен и очень мал.
Подумаешь, беда страслась, что он кого-то обругал!

Ты на ребенка не сердись. В сердцах за розгу не берись.
Не горячись, не кипятись. Соседей наших постыдись.
Ведь он — безгрешное дитя. Ты, старый, бога устраишь.

Ты на ребенка не кричи. Ведь мой сыночек очень мал.
Подумаешь, беда страслась, что он кого-то обругал!

Вглянни, сосед наш — муж Аджки, — вот он действительно умен.
Когда при нем бранится сын — смеется, радуется он.

А ты, бездельник и болтун, ты словом сына раздражен?!

Учтивым рано быть ему, ведь пап сыночек очень мал.
Подумаешь, беда, что он тебе немного поругал.

О школе мне не говори, о грамоте не вспоминай.
И в школу сына своего не отпущу я, так и знай!
Чего он в школе не видал? Ты мне его не упрёкай!
Быть рано грамотным ему, ведь наш сыночек очень мал.
Подумаешь, беда страшась, что он кого-то обругал!

Мы не армяте, чтоб детей своих учением губить.
Мы можем всякому добру его и дома научить.
Он там, как наш учёный зять, ещё научится грубить.
Пусть дома подрастает он, ведь наш сыночек очень мал.
Я в школу сына не отдам! Так ты и знай, чтоб ты пропал!

1908

НАМ ЧТО?

Если бедствия пришли раздавить народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Голодают, но богатств мы не завещали им:
Мол, идите — все добро, не жалея, раздадим!
Есть у нас один закон: верность выгодам своим!
Наша роскошь перейдет к нашим детям, к нам одним.
Если бешеный бурап погубил сирот — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Все, что нажил, накопил — отдавать им? Что за бред!
Чтобы лопал это все зангезурский дармоед?
Знать не знаем мы таких! Если выхода уж нет —
Сядь, бельмо, им на глаза, чтобы им не видеть бед!
День и ночь голодный вой, посиневший рот — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Насреддиц, оставь! Забудь! Все твои призывы — прах!
Нас на это не возьмешь! Сам седи в своих сетях!
Нам глядеть на Зангезур? Видеть в каждом доме страх?
Пусть в могилу лягут те, что замерзли там, в горах!

Не равнину дал им бог, а гряду высот — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Не показывай нам, друг, то пристанище беды!
Летом мы гуляли там, на горах — цветы, плоды.
Но, поборы завершив, мы оставили сады.
На зиму — в Тифлис гулять: пить и петь на все лады!
Рвут бураны Зангезур, смерть ведет обход — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

Мы оставили пока разоренные дома, —
Путь в дома веселья нам указала жизнь сама.
Ах, в Тифлисе много Лиз — прелестью сведут с ума.
У красоток — люстры, блеск, а к Залхе заглянешь — тьма!
Если эта тьма навек обняла народ — нам что?
Если с голоду бедняк почему-то мрет — нам что?

1908

ТАКАЯ СЛАДОСТНАЯ ЖИЗНЬ

В одном кармане — вексель, в другом — рубли, рубли, рубли!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!
И пусть для родины моей часы последние пришли —
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

О, если вереница гор ко мне с поклоном подойдет
И у голодных из очей забьет поток соленых вод,
И не сморгну, и погляжу, растет ли в кассе мой доход?
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Пусть будет родина в крови, подобна маковым полям,
Тиранов гнет и братьев кровь не потревожат сердца нам,
Мы предадимся всей душой веселью, праздности, пирам!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Умри — я медяка не дам: богатству полнота нужна
Затем, что в мире каждый миг одним деньгам растет цена.
Пускай народа моего судьба грядущая темна —
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Где нашей нации права? Где слава? Где ее расцвет?
Как быть? Ни уваженья к ней, ни голоса, у бедной, нет!
Мне стать игрушкой этих слов? К чертям — последний мой ответ!
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

Что «совесть»? Глухое словцо! Его за шиворот — и вон!
Меня не тронет никогда несчастных голодных стон.
Душа тогда лишь расцветет, когда ты скажешь: «Миллион!»
Такую сладостную жизнь, аллах, продли, продли, продли!

1908

А затылка казына крепка, человек,
Одурешь совсем от дымка, человек.
Отдышись и покашляй слегка, человек,
И засни — не вставай с тюфяка, человек!

1908

СПИ, ЧЕЛОВЕК!

Не вставай, не вставай, спи пока, человек!
Ничему не дивись, спи века, человек!
Одеяло заткни под бока, человек,
Линь бородку погладь и — пока, человек!
Не вставай, не вставай с тюфяка, человек!

Ты весь день провалился без дела — вот так
Обменялось во сне твоо тело — вот так,
Ты не жаждешь иного удела — вот так,
Спать весь век тебе не надоело — вот так.
Не вставай, не вставай с тюфяка, человек!

Жизнь прошла, ты уже побелед, как мука,
Борода твоя стала, как шерсть ишака,
Зубы выпали, грудь твоя стала узка,
Но привычного яда все ищет рука,
Чтоб дурман тебя вновь препратил в дурака.

· НЕТ ПОДОБНОГО МНЕ!

Хвала тебе, боже! Подобного мне не найти!
Таких правоверных и в целой стране не найти!

Вот помню: я отрок. Лица молодого черты
За мною повсюду ваекут знатоков красоты.
О встрече со мною кутялы ледеют мечты —
И рву потихоньку и кое-какие цветы!
И видел, что мальчуган, равного мне, не найти,
Кто б в доме гаджи был со мной наравне — не найти!

Когда же подрос я и стукнуло мне двадцать пять,
От прежних занятий я стал кое-как отвыкать.
Но все ж не в безделье нашел я тогда благодать,—
Однако не будем истории темной вскрывать:
Прощю и забыто!.. Подобного мне не найти!
Кто так же, как я, утопал бы в казне — не найти!

Принявшись за дело, к себе я скликал знатоков,
И ставил я сети — и брал за уловом улов.

Но время молялось — и я применялся без слов,
Для новой затеи отречься от старой готов.

И видяшь: в народе подобного мне не найти,
Кто здесь в благочестье мне равен вполне — не найти!

Увидя, что ветрены наши свитые мужи,
Я стал мешади, а со временем стал и гаджи.
Вернувшись из Мекки, сказал я: с аллахом дружи,
Свой разум усердно с вопросами веры свяжи!
Я полял: я вправду подобного мне не найти,
Таких правоверных и в целой стране не найти!

Читатель, пойми же, когда ты разумен, смыслен:
Любой недостаток сокрыт хитрецом, затаен,
Но честный пусть явит достоинств хотя б миллион,
Порочному глазу злодеем покажется он,
Ему от проклятий пути к тишине не найти,
Нигде лицемера, подобного мне, не найти.
Подобного мне, хоть сгоря ты в огне, — не найти!
Нет, схожих со мною в почете, в цене — не найти!

1908

Я ПОЭТ

Я поэт, и поэтому должен злеться в стихом,
Ибо жизнью я призван писать о благом и дурном,
Видеть мрак по ночам, видеть солнце горячее днем
И кривое в кривом различать и прямое — в прямом.
Так чего ж ты, читатель, таращишь глаза? Разве зеркало
Этих ясных и правильных строчек тебя исковеркало?

Есть в стихе моем жарком дыханье мое и внутри.
Предо мною недаром бумага, чернила, перо.
Но руке ты мешаешь писать, ты не любишь добро,
Хочешь вырвать мой главный язык, говорящий остро.
Странно! Разве в стихах моих искренних правда нарушена?
В них и четверть того, что увидел я, не обнаружена!

Заклеймить я не смог даже четверть пороков людских,
Но меня ты бранишь. Я устал от ругательств таких!
Будь же честен и здраво суди о поступках своих,
Стань другим, — лишь тогда замолчит мой язвительный сти
Ты борясь не со мной, — со своими сражайся пороками,
И тебя и себя перестану и мучить упреками.

Сочинители знают, к чему вы питаете страсть,
И могли бы сильнее, чем я, на пороках напасть,
Но не выскажут вашей вины и двадцатую часть.
Сами их заставляете вы вашу низость проклясть,
Ваша низость в писаньях живет, — поеволе скорбишь о ней,
А не то были б папи писанья гораздо возвышенней!

Если я не пишу и о четверти вашего зла,
То в других и двадцатая доля боязни родила.
Если б ты мне сказал: «Опиши, не страшась, все дела», —
И вся жизнь твоя полностью б в книге правдивой прошла —
Содрогнулся тогда бы, увидев себя, грязноликого,
Ты бы вывернулся наизнанку от срама великого!

ЖЕНИСЫ!

Пусть будет боль твоя моей, ай, Менади-Сижимкули!
Не думай ты, что в шестьдесят часов последние прищипки:
Хвала аллаху, ты силен, еще не гнешься до земли!
Так не хватайся, не держись ты за презренные рубли!
Возьми товарец, он в цене, ты не скупись,
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Я с удивленьем узнаю, что у тебя одна жена,
И потому-то жизнь твоя однообразна и скверна.
Желаться мог бы ты еще, не так уж плохи времена.
Тебе хотя бы три жены, а у тебя всего одна!
В соседстве лет? На стороне ты приглядишь.
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Такого свата, как Сафдар, на целом свете не найти!
Но всем красавицам, поверь, ему открыты все пути.
Ты в жены девочку возьми годочков эдак десяти,
Теперь высокий рост у нас и мраморная грудь в чести.
К такой груди прильни по сне и насладишь!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Оставь же старую жену, подальше от нее уйди!
Все неудачи вместе с ней должны остаться позади.
Ах, чернокудрую себе подругу жизни заведи,
Подругу с ангельским лицом смести прижать к своей груди!
Героем будь в своей стране, расшевелись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Так мал, неопытен твой сын, что не способен понимать,
И лет исполнилось ему, я слышал, только двадцать пять,
И сладость очень многих дел ему еще не разобрать!
Зачем подобному жена? К чему такая благодать?
Тебе жена лужна вдвойне, приободрись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

О, заклинаю я тебя, ты слышишь, верю твоей!
Ты хною бороду покрась, ходи ровнее, будь бодрей!
Влигоуханьем юных жон себя ты окружи скорей!
Не трать добра на пустыни, на бесделушки наших дней:
Газеты пусть сгорят в огне, не соблазнись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

Подумай, кто установил — иметь жену всего одну:
Еврей да русский. Да, да, да, уж я тебя не обману!
А правверный что они год заводит новую жену.
От наслажденья ты умрешь, лишь я перечислять начну!
Не хочет? Будущей жене божись, клянись!
Твой грех пускай лежит на мне, скорей женись!

1908

МОЛОДОЙ

Дом богат мой и велик,
Мне мулла служить привык,
Для чего ж грозить разводом?
Разве я совсем старик?

Правда, согнут я в дугу
И жевать я не могу,—
Нет зубов,— но не старик я,
Верь, что я тебе не лгу!

Мне от слов твоих — беда.
Борода моя седа,
Хной я бороду покрашу,
Потемнеет борода.

В доме есть лаваш и плов,
Ты же, мой пороча кров,
Говоряшь, в отца гожусь я...
Не бросай подобных слов!

Мне всего лишь пятьдесят,
И к тому же я богат,
О красавица, останься,
Все у нас пойдет на лад!

Умоляю, чуть дыша:
Будь со мною хороша!
Если с виду постарел я —
Молода моя душа.

1908

ИСТИНА

Если б каждый правдой жил, лживый к слову был бы
строг —

И растерянный народ что-нибудь понять бы смог.

Если б милая с другим не встречалась тайком,
Не пришлось бы жениху обходить ее порог.

Если б действия словам отвечали до конца,
То народ бы наш не знал подозрений и тревог.

Если б истинною ложь праведник не называл,
То от ягучего стыда лжец давно бы изнемог.

Если бы стяжатель-плут нам не напевал «бай-бай»,
Сою невежества никак не вышел бы к нам дорог.

Если б щек раздувать перестали болтуны,
То у свечки бедняка не погас бы фитилек.

Если бы проклятый гром над правдивым не гремел,
Разве истину тайть был бы у него предлог?!

1908

ИРАН — МОИ!

Я — могущественный шах, подо мной — страна моя!

Как ее ни лажывай: Рей, Иран, — она моя!

Вся в развалинах она или обложена — моя!

Конституция — ничто! Власть еще сильна моя!

Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Конституцию в свой час мой отец вам даровал,
Был он набожный старик, мягок был, стыдлив и вял,

Но политики, клянусь, он совсем не понимал,

Ну-ка вшивую чоху надевай и стар и мал!

Я — на троне золотом, всем царя видна моя!

Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Не кравец я ничуть, а великий Мендели!

Я — тирательства волчья пасть, предо мною — вы в пыли!

Я — беда над головой у подвластной мне земли!

И неважно, что меня вы пиванкой нарекли:

Мясо, кровь и кость — мои! Туши толщила — моя!

Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Укрощая вас, я был — помните? — неукротим,

Сын лабазника в те дни полководцем стал моим.

По меджлису дав огонь, превратил его я в дым.
Я присягу растоптал, я отверг коран, бог с ним!
Что мое слово, что обет? — воли мне верна моя!
Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

Пусть из Турции до нас докатился чей-то крик,
Кряк, одобренный людьми в красных фесках в тот же миг, —
Знай, ревнитель старинцы, от него я не пошк: —
Не заставят те умы побледнеть Ирана лик!
На арену вышел я, рядом — старина моя!
Весь народ — он мой! Над ним сталь занесена моя!

А тавризцы неужель были слепы в те года,¹
Как со мною день и ночь цировали без стыда?
И, наследник шахский, был всем им по сердцу тогда —
И меня на трон отца подсадила их орда.
А теперь что нужно им? Власть им, что ль, нужна моя?
К разным женщинам всегда страсть обращена моя!

Нет, иранец должен быть все забыт, все темней,
В униженье жить, в нужде, в рабстве с первых детских дней,
На чужбине изливаться, тьбиться меж чужих людей.
Прочь, иранец! Влей ищи ты в худой чохе своей!
Здесь и — хан! Закон здесь — мой! Ночь в стране,
мрачна, — моя!
Сила, слава — все мое! Честь — и та сполна моя!

1908

¹ Мамедали до восшествия на престол был правителем Южного Азербайджана и имел резиденцию в Тавризе, где проводил время в кутежах и развлечениях.

ОСМАНЕЦ, НЕ ВЕРЬ!

Османец, нет, не верь опять, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

О Турция, чем ты горда, любимая страна?
Что конституция теперь сынам твоим дала?
Но для Ирана не была ль трагедией она?
Ох, не одна ведь голова в Иране свесена,
И о погибшем сыне мать рыдает не одна!
Нет, конституции и впредь не возрастет цена!
Не верь, щадя родную мать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Свободу слова вам дадут, — мол, говори, народ,
Открыто говори о том, что душу мучит, жжет...
Когда ж министры те слова услышат в свой черед,
Они смекнут, что вапа речь их по карману бьет,
Любыми плутнями оля закроют правде рот!
Османец, слово о правах тебе во вред пойдет!
Не смей собраний созывать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Допустим, бросить вызов ты правительству сумел
И слово в дело претворил, всегда правдив и смел,
И слух об этом до ушей «ученых» долетел, —
Там не Мирза ли Алекбер на коврике своей присел?
О, сколько мечет оп я тебя громов, снарядов, стрел!
За вольводумца ж постоять никто не захотел!
Брось это чужью называть, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Османец, право, ты чудак! Ты весь в плену прикрас!
Вам конституция дана — уж ты пустился в пляс.
Иль Фазлуллах и Мир-Хашим не водятся у вас?
Нет, их немало, только вам их не узнать сейчас.
Когда ж узнаете — ой, ой, раскаетесь не раз!
А как раскаешься, глядишь: один-другой без глаз!
Не смей глупцами злых считать, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Свободу совести и мы однажды обрели,
И валл счастливый смех летел к народам всей земли.
Мы не заметили, как в дом к нам хищники вошли!
Детей не стали мы держать от мерзостных вдали —
И вмиг развратники себе по мальчику нашли...
О, если скажут лжемошлы: «Аллаха восхваля!» —
Не смей их вере доверять, храни тебя аллах!
Не смей, как наш иранец, спать, храни тебя аллах!

Он истребил твоих друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Не позабудь, что ты теперь уж не тот,
Пред ком склонялся до земли весь народ!
Ты видишь сам, очнулись все в свой черед.
Ушла и слава от тебя и почет,
Народом свергнутый злодей, Мир-Хашим,
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

ИЗГНАНИЕ МИР-ХАШИМА

А ну, укладывайся, эй, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Пророка именем верша скорый суд,
В мечети лавку ты открыл, старый илут,
Там продавал фасоль, горох и куникут.
Но покупатели теперь не берут
Товара в малочке твоей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Торгаш, ты был самой судьбой приружден
К волею свободы поспешить на поклон.
Но нет, не выполнял ее ты закон.
И вот ты проклят, Мир-Хашим, посрамлен.
Хитрить, лукавить ты не смей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Ты сжечь каабу замыслил в тишине
И вышел, словно Эбрехе, на слове.
Но, видя ваши козни, бог в вышине
С камнями в клювах птиц пустил по стране.

Напрасно песню ты пропел, захрипев,
Ни песни не обманет нас, ни припев!
Теперь и шептуны орут, обнатлев.
Слов свободы одолеть не сумов,
Склякай родню свою, друзей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!

Не ты в паденье виноват, дорогой.
Усердно ты гянул назад, дорогой!
И вот — уныньем ты объят, дорогой!
За жадность проклят ты стократ, дорогой.
Ты не шербет, а воду пей, Мир-Хашим!
Беги, спасайся поживей, Мир-Хашим!
Саттар грозят башке твоей, Мир-Хашим!

1908

САТТАР-ХАНУ

Меня безумцем не считай, читатель: я восторгом пьян!
Заволнован голос мой — и ты его не применишь за обман.
Мой стих — жемчужное зерно, талант мой — море-океан,
И смело славлю красоту, и пафос мне свободный дан.
Поэт от века восхищен тем, кто отвагой обуян:
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Лишь в Тегеране разгромил народное собрание шах,
Тавризцы двинулись к тебе: проклятый шах — ваш общий враг!
И вы разрулить поклялись тиранства дикого очаг,
Готовясь к смерти за народ, держа в геройстве дружный шаг.
Но жертву главную принес тот, кто возлагал братский шаг!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

И вам, азербайджанцам, рок услугу оказал свою:
«Зоххаку из каджаров — смерть!..» — раздался клич у вас в кра
Привет святому праху тех, кто голову сложил в бою!
Не знаю, где и пребывать героям, если не в раю?
Их кровь навеки сохранят в земле Тавриз и Тегеран.
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Вот, поглядите, Саттар-хан занес высоко свой булач.
Не только шаха — целый мир его деянья удивят.
И честь ислама поднял он, я славу родины — стократ.
И на страну его теперь все с уважением глядят.
Да, на воспрянувший Иран обращены глаза всех стран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Тебя азербайджанца долг и долг иранца в бой увлек,
И не стогал ты на огне, как легкокрылый мотылек.
Бесстрашный в битвах Саттар-хан, кто бросил бы тебе упрек?
На повелителя страны позор всемирный ты павлок.
Ты спас любимую страну, ты к жизни возвратил Иран!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

Тавризцы, честь вам и хвала: вы свой исполнили обет!
И рукоплещут вам друзья, вас прославляет целый свет!
И сам пророк в святом раю вам посылает свой привет.
Мой Саттар-хан, отважный мой, живи ты много-много лет!
Ты человечеству служил — не только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттар-хан!

1908

МЕСЯЦ РАМАЗАН¹

Ах, рамазан уже настал, ах, рамазан — для нас!
Таким просторным стал майдан, и весь майдан — для нас

За трапезой у нас, гляди, сидят владельцы благ.
Ови почтенья к нам полны, как повелел аллах.
Перед нами — сотни дивных блюд, все остальное прах.
И жирный шлов и чихяртма пред нами на столах.
Фирни, терек, долма, нитя и фисиялджал — для нас!
Ах, на тарелке баклажал, ах, баклажан — для нас!

О нищий, не гляди ты в дверь: ты можешь сманить нас!
Не подымай! Ударю так, что выиг исчезнешь с глаз!
Себе ты нищу поищи — найдется в добрый час!
А нет — голодным ляжешь спать, тебе не в первый раз.
Обилье этих тонких блюд не для дехкан — для нас!
Утеха, слава, вся еда — для тех, кто зван: для нас!

¹ Рамазан — месяц поста у мусульман, в течение которого люди не едят и не пьют. Рамазан был наиболее прибыльным месяцем для купечества, так как по вечерам в мечетях читались проповеди и люди собирали обильные пожертвования с молящихся.

Покамест мы едим и пьем, за дверью ты постой!
Остается, возможно, шлов, — стол, видишь, не пустой.
Оглодки наши на полу ты взглядом удостой,
А после — соберешь в суму: ты ж человек простой.
Нока ж и скатерть, и шербет, и твой казан — для нас!
Казан, и чашка, и стакан, большой стакан, — для нас!

Тебе никто не запретил просить у всех дворей.
Одежды нет? Добудь тряпье, прикройся поскорей!
И без приправы сможешь съесть немного сукарой!
А вот — привыкни голодать, крепись, не захирей!
Нас считают: и шашлык и весь барап — для нас!
Каймак и кофе — все для нас, да и кальян — для нас!

Уйди, оставь в покою нас! Эй, не мешай ты нам!
Легко ль, насышись, говорить? Прочь, ничего не дам!
Обман — источник наших благ, ты понимаешь сам,
Ведь мы же говорим слова наперекор делам.
Все это — роскошь, и купец, и бек, и хан — для нас!
И полный доверху карман, тугой карман, — для нас!

И важный сай — для нас,
И бек и хан — для нас,
А если рамазан,
То и майдан — для нас!

1908

ТЕРПИ!

Пусть гибнет земля от бесчисленных бед,
Пусть огненной лавой зальется весь свет —
Любезный, ты спи, одеяльцем согрет,
Дитя, не воллуйся, терпи — мой совет!

Пусть жаждут соседи обняться с весной,
И даже свободы добьется иной —
К мечтателям тем повернись-ка спиной,
Но слушай их бред о пароде смешной!
Ты выешься ужом, хоть, как люди, одет!
Дитя, не воллуйся, терпи — мой совет!

Пусть беки повсюду усилили гнет,
Пусть хан голытьбе ничего не дает,
Пусть, бедный, совсем обездолен народ —
За долей хоть в поле, хоть к черту идет!
Тебе горевать, огорчаться? Ну, нет!
Дитя, не воллуйся, терпи — мой совет!

Мой друг, не пускай ты наследника в класс,
В неверного он превратится как раз.
Разбойничий нож для него б ты прямас,
Он выполнит свято отцовский наказ.

А свяжут злодея, очей твоих свет,—
Дитя, не воллуйся, терпи — мой совет!

Моллу не замарывай славой дурной,
Хоть блуд освятит он с чужою женой,
Пускай из дрянных он и самый дрянной,
Проделки его обходи стороной!

Ворчать на подобную молочь в ответ?
Дитя, не воллуйся, молчи — мой совет!

Какая б напасть ни стряслась над тобой,
Над братом твоим, над родных ли судьбой,
Пусть хлеб твой отравят противник тупой,
Пусть слезы тебя захлестнут, как прибой,
Пусть будешь, несчастный, живьем ты отпет, —
Дитя, не воллуйся, терпи — мой совет!

1908

НАСТАВЛЕНИЕ

Эй, святоша, будь красив, хоть нутром ты груб и дик:
Если ты душой урод, оделай благостным свой лик!

Просвещенным назовись, а науку отрицай
И ученых мусульман ловко загоний в тупик.

Если, как скотина, ты по уши в грязи увяз,
Тотчас козны заведи, выкрутись в единый миг!

Прячийай народу вред, знай лишь выгоду свою.
Зорок, ловок и хитер, ты обманывать привык.

Если надо — лицемерь! Будь овечкой для одних,
Для других же волком будь, в кровожадности велик!

Чуть стеснение ощутишь — с убеждениями простиись,
Стань допосычком, шпионом, чтобы в страхе враг кониик!

Всех, кто правду говорит, поголовно проклинай,
Против истины иди неуклонно напрямик!

Мусульманам в картузах жить на свете не давай,
Но у ханского крыльца прахом ляг, святой старик!

1908

А Х!

Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!
Наш народ с темнотою дружил тогда!

Разобраться в правах не пытался он,
Революции не улыбался он,
Перед книгами не преклонялся он,—
Так невеждою и оставался он!

Сколько вздора и в речи вложил тогда!
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Не пыталась пороков искать страна,
Зло добром научилась считать она,
Нас увидеть желаньем была полна,
Нам везде и повсюду росла цена.

Нас почетом ислам окружил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Все стонали, но пир не смолкал у нас,
Повелитель опоры искал у нас,
Вор в поклоне всегда поникал у нас,
Вкусный плов уваженьем спискал у нас.

День ли, ночь ли — я в гости спешил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Лицемерили мы, — не видал народ,
Что со святостью дело вразрез идет, —
И у нас выростал, выростал доход.
Нас и лаше вранье окружал почет.
Наш закон правоверных страшил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Мы абой прикрывали любой порок,
Все, что нам приносили, копилось шрок.
Нам ни жадность, ни алчность не шли в упрек,
Почитался целительным наш порог.
Многим дом наш каабой служил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Божеством и святянею были мы,
За хранителей веры сходили мы.
Всем казалось, что вправду светили мы.
Их гроши трудовые копили мы.
А скупых я пролятьем глушил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

Нынче бес настоящий живет в любом.
Посмотрите: шайтаны кругом, кругом.
Оседдали и едут на нас верхом.
Неужели мы прошлого не вернем?
Наш народ с темнотою дружил тогда.
Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!

1908

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

- Ну, как ваш город, брат? Дела пошли на лад?
— Хвала творцу, живет он, как при Ное, брат.
- А много ль новых школ ваш край сынам открыл?
— Все то же медресо, что нам Адам открыл.
- Читает ли, скажи, газеты кто у вас?
— О да! Глупцы — всюю, но мы не портим глаз.
- Ну, а читальню вам открыли, а, старик?
— Открыли, но ее мы разгромили вмиг.
- Скажи, помог ли кто голодным беднякам?
— Да что им помогать? Аллах их видит сам.
- А вдов не позабыл ваш город оекать?
— Не лучше ль замуж им повыходить опять?
- О едикенье к вам доносится ль слова?
— Да, кое-кто шумит, но речь у них мертва.

— Не скажешь ли, суннит к шииту в дом проник?
— Что?! Что ты говоришь?.. Я вырву твой язык!

— Я все сказал тебе. Я ухожу. Прощай!
— На что ты сдался мне? Ко всем чертям ступай!..

Смотрите на него! Несчастный сумасброд!..
Что только произнес твой нечестивый рот!

1908

ТЕТЯ, НЕ ПУСКАЙ!

Он идет, чурбан!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

О, закрой скорей поплотнее дверь!
Человек ли он — этот страшный зверь?
Разве это муж? Нет, не муж, поверь!
Крокодил! Кабан!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

Сватали вы нас — я глядела в пол:
Он за юнопу с ваших слов сошел.
Вижу я теперь: вот каков орел!
Сжег меня обман!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тети, не пускай!

Душу, дупу мне холодит испуг:
Я боюсь, что грудь разорвется вдруг.
Сердце бьется так, будто в нем недуг.
Он злодей, шайтан!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

Глянь: труба на нем,—не папаха, нет!
Я в бровях его вижу выюги след!
Знаю, знаю: он — твой ровесник, дед!
Он вампир, тиран!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

Ностершимый дух от него идет.
И слюнявый мне так противен рот!
Как змея, боюсь я его забот.
Мне на гибель дай!.. Тетя, не пускай!
Ах, в глазах туман!.. Тетя, не пускай!

1908

ПУСТЬ НЕ БУДЕТ

Отец. Сынок, на улице играй, будь равнодушен ко всему
И никакого ремесла пусть у тебя не будет.
Сторонкой школу обходи, охоты к чтению, к письму
И к изучению числа пусть у тебя не будет.

Сын. Отец, работы не ищи, избави боже, не трудись,
На это времени, отец, пусть у тебя не будет.
Ты лучше каждый день женись и ежедневно разводись
И чувства чести никогда пусть у тебя не будет.

Отец. Настанет ночь — из дому прочь,
По кабакам броди всю ночь,
Там имя доброе порочь.
Как совести, так и стыда пусть у тебя не будет,
И самолюбья никогда пусть у тебя не будет.

Сын. Настанет ночь — обмахься хной,
И в ряд всех жех своих построй,
Когда же ляжешь ты с одной,
Того, чем женщинам ты мил, пусть у тебя не будет,—
Ни настроения, ни сил пусть у тебя не будет.

Отец. Пусть по утрам встает зря,
А ты не поднимайся зря,
Лежи. Короче говоря,
Ни жажды знания, сынок, пусть у тебя не будет,
Ни прилежания, сынок, пусть у тебя не будет.

Сын. Пусть по утрам зря встает,
Ты в жаркой бане парь живот,
А если вдруг болезнь придет,
Здоровья, что истратил ты, пусть у тебя не будет,
А заодно и красоты пусть у тебя не будет.

Отец. Когда ты день и ночь подряд
Без дела бродишь наугад
И люди все тебя стыдят,
К ним уважения, сынок, пусть у тебя не будет,
В душе смущения, сынок, пусть у тебя не будет.

Сын. Когда выходишь ты во двор
И с девушкой через забор
Ведешь игривый разговор,
Красавица болтать с тобой пусть никогда не будет,
Твоею верною женой пусть никогда не будет,
Играть твоею бородой пусть никогда не будет,
Удача в жизни никакой пусть у тебя не будет.

1908

КРАСНАЯ БОРОДА

Ой, мама, с красной бородой старик —
Яхши лабазник, не простой старик.

Его глаза сурьмой подведены,
На голове не сыщешь седины,
Молитвы в лавке целый день слышны,—
С умом и любящей душой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

В речах — суфист, привычками — мулла,
Как у мюрида, жизнь его светла,
Как у гаджи, у мешади — дела,
Во всех деяниях святой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

По скромности ему подобных нет,
В походке легок, как во цвете лет,
С лица его как бы струится свет,
Степенный, скромный, золотой старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

Он говорит: «Послушай, мальчик мой,
Когда был жив отец покойный твой,
Вот в этой лавке он сидел со мной,
Какой барыш имел он, твой старик!»
Яхши лабазник, не простой старик.

«Отныне лавка будет вся твоей,
Что хочешь делай: вдоволь кушай, пей,
Карманы лучшим кашмишем лабей,
Всем счастьем делится с тобой старик!»
Яхши лабазник, не простой старик.

Такой мужчина — равных в мире нет!
Он говорит, лишь кончится обед:
«Сыночек, завтра приходи чем свет,
Не дай, чтобы взмошел тоской старик!»
Яхши лабазник, не простой старик.

То проведет он по лицу рукой,
То поглядит в мои глаза с тоской,
То прижимается к щеке щекой,
То тихо говорит со мной старик,
Яхши лабазник, не простой старик.

1908

СПАСИТЕ!

Ай, спасите! Рифмачи одолели. Сущий ад!
Вы подумайте: Ширван превратит в Гянджу хотят!

Разоренные дома разорят они совсем:
Школу, жизнь, привычный быт изменят все подряд.

Не довольно им того, что отступники они,—
Правоворных мусульман сбить с дороги поровят!

Эй, зачем зовете нас к просвещенью? Ясно всем:
Вы хотите осквернить нашу веру, наш уклад.

Мы ислам не продадим! Никогда и ни за что
Не откроем копеечек мы для школы, для растрат!

Ведь живем мы не в Баку, не в какойнибудь Гяндже,
Чтоб для дьявольских затей не жалеть своих денегат!

Вы пытались провестя, обмануть пытались нас,—
Что ж, узнали, как моллы проклинают ваш разврат!

Раскусили нас теперь? Наша доблесть вам видна?
Ведь сумели ж подобрать мы гяурский к вам наряд!

Что ж, ступайте говорить всюду о себе, о нас
И о том, как завлекли в школу новую ребят!

1908

НЕ ВЕРЮ Я

Не верю я, что речь твоя чиста, честна, святой отец!
Коль прав ты, мусть меня возьмет сам сатана, святой отец!

Тебе религия нужна, чтоб грабить скованный народ,
Как нож в ладони у кочи, она страшна, святой отец!

Ты светлый мир не очернил по образу своей души,
Не перекрасил душу ты — она черна, святой отец!

О, если б денег никогда ты за молитвы не взимал,
Отвергнул бы свои труды ты все сполна, святой отец!

Не суй в глаза мне свой намаз, себя в работе покажи!
Забудь о хитростях своих! Им грош цена, святой отец!

1908

НА ЧТО ТЕБЕ, АЛЛАХ?

Из камня высеченный род на что тебе, аллах?
Сердца холодные как лед на что тебе, аллах?

Чем зло сильней, тем с каждым днем смиренней
человек
Народ, сносящий тяжкий гнет, на что тебе, аллах?

Когда ни искренность, ни честь, ни правда не нужны,
Влачить позор из года в год на что тебе, аллах?

Когда из горьких слез людских сливаются моря,
Морей и рек круговорот на что тебе, аллах?

Зачем на тихие луга оленей выгонять,
Когда охотник их убьет,— на что тебе, аллах?

Когда от пашен и садов доход имеет бек,
Зерно взлелеявший народ на что тебе, аллах?

Труд — батрака, ярмо — быка, земля кругом — твоя,—
Лентяя-бека жадный рот на что тебе, аллах?

Когда владычит вечный мрак над скорбной землей,
Тот, кто страдальцам свет несет, на что тебе, аллах?

Гнев долгополых мусульман, что людям в сюртуках¹
Наслал бы тысячи невзгод, на что тебе, аллах?

И если им такая власть, хулителям, дана,
То честных тружеников пот на что тебе, аллах?

Когда доносяки вершат свои дела хитро,
Шайтан, ленивый сумасброд,— на что тебе, аллах?

Когда мужчина не к жене, а к мальчику идет,
Жена, что дома слезы льет, на что тебе, аллах?

Когда купец, пустив слюну, за Соню спешит,
То Тукезбан в плену забот на что тебе, аллах?

Прости меня, прости меня, прости меня, аллах!
При виде мудрости твоей меня объемлет страх!

1908

¹ Под долгополыми мусульманами автор подразумевает фанатиков, носивших традиционную одежду; под людьми в сюртуках — людей передовых, просвещенных.

ФИСИНДЖАН

Когда раздавлен ты судьбой, не думай: мир на слом идет,
Когда на мельницу пора, крестьянин за молотком идет.

Где бесталанный, где талант, теперь у нас не разберешь.
Просеяв, зерна соберем, пусть пыль за ветерком идет.

Волнение времени сравнить я с маслобойкою могу,
В которой пахташе на дно, а масло вверх комком идет.

Кто любит человека, тот влюблен в свободу, верен ей.
Да, человечность вместе с ней всегда одним путем идет!

Ты просвощенным не тверди: «Вы на ошибочном пути».
Здесь о невежество твоем, здесь речь о нем одном идет.

О просвещенных говоришь и об «ошибке» их твердишь:
Противоречие с твоим невежеством рядком идет!

Иль, может, просвещения луч тебя, сверкая, ослепил?
Летучей мыши ты сродни — вот разговор о чем идет!

Уйми пустое хвастовство: «Смотрите, мол, какие мы!»
Мы тех признаем, кто вперед, не прячась, прямоком идет.

Лишь краем глаза своего на бедноту глядите вы,
Спеша туда, где фисинджан, где ночью пир и днем идет.

1908

БЛАГОДАРИ СУДЬБУ

Жена! Наш сын герой! Хвала ему! Хвала!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

На улице стою и вижу я вблизи:
Шагает, в стельку пьян, наш милый сын Файзи.
Ударил старика — и тот лежит в грязи.

Ах, как похож наш сын на льва или орла!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Пускай себе растет! Зачем ему мешать?
Нас храбростью своей он будет утешать,
А всех людей вокруг он будет утрапачать.

И скажут о тебе: Рустама родила!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Сам правильный толчок я дал его уму
И в школу не послал ребенка потому,
Что в школу отослать — как засадить в тюрьму.

А голова его и без наук светла.
Благодари судьбу, что сына нам дала!

И вправду говорят — какой от школы прок?
Чтоб глупым болтуном он стал в короткий срок?
Чтоб дерзости урок из школы он извлек?

Учение — это бред! Оно источник зла!
Благодари судьбу, что сына нам дала!

А если б в школе он неверье приобрел?
В религию бы внес и смуту и раскол?
Нет, не напрасно я противник этих школ!

Наука бы ему несчастье принесла.
Благодари судьбу, что сына нам дала!

Мы — люди, милый друг.
Для нас опасен круг
Искусства и наук.

Ведь правда, Хасанам?
Зачем все это нам?
Мы — люди, милый друг!

1908

дитя

Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя,
Слезой каждый твой сухарь омыт, мое дитя.
Не перечислить всех твоих обид, мое дитя.
Ты просишь есть, но аря твой крик звучит, мое дитя!

Когда бы человека вдруг в тебе народ нашел,
Он понастроил бы тебе национальных школ.
Увы, до этого еще народ наш не дошел —
И честь раздавлена твоя ордою всяких зол,
Глубоко в землю твой талант зарыт, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Жемчужина в грязи! Тебя не воскресить пока!
Не повелось у мусульман бороть твой бока.
Нет, наши беки жрут и пьют, валют дурака,
Грызутся из-за теплых мест и жирного куска.
Их не жемчужина, а грязь манит, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Нет, тот не прав, кто о твоих грехах всегда твердит,
Пускай за это не тебя, а нацию винят.
Когда бы родиной ты был воспитан, а не бит,
Ребенок, взял бы ты суму? Ты плакал бы навзрыд?
Все тело в шпрамах у тебя, болит, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Надежда родины моей, печален твой удел:
Еще никто твоей душой заняться не хотел.
О чем ты думаешь? В какой шагаешь ты предел?
Я, глядя на тебя, всегда твоей тоской горел.
Твой каждый шаг тебя да дно стремится, мое дитя.
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

О нация, позор и стыд — подумай ты сама! —
Беспечной быть, когда кругом стоит такая тьма!
Дитя мое! Пускай храпят! Зачем стучать в дома?
Навек осталось нам одно: мне — скорбь, тебе — сума.
Тебя унизили, а я забыт, мое дитя,
Бредешь и плачешь, плачешь ты навзрыд, мое дитя!

1908

ДОЧЬ ГЯУРА

Поверь, не знаю я, как быть, любезный Насреддин!
Она вогиала в хворь меня, жена, гяура дочь.

Уже шестнадцать лет, нет, нет, уже семнадцать лет
Живет в моем дому, в семье она, гяура дочь.

Трех-четырех ребят родив, осталась без зубов,
И, как старуха, вся черна, страшна гяура дочь.

Я убедить ее хочу: «Послушай, ты стара,
И, как хозяйка, ты забот молна, гяура дочь!»

Позволь же молодую взять: мне — в жены, а тебе
В помощницы, ведь ты всегда одна, гяура дочь».

Нет! Как собака, на меня она всегда ворчит.
Ах, отравила жизнь мою сполна — гяура дочь!

И ей никто не говорит: «Постой! Тебе-то что?
Неужто мужу ты во вред дана, гяура дочь?»

Чуть свет вставай, доя коров да масла больше сбой,
Следи, чтоб в кизяке была стена¹, гяура дочь!

Ты шерсть расчесывать должна, чалас, попопу ткать,
И печь топить, варить и печь должна, гяура дочь!

Согнув свой стан, стирай белье, мети мочище дом,
Служи супругу своему без сна, гяура дочь!

Какое дело, мол, тебе, что ищет он жену?
Раз ты жена, то будь во всем верна, гяура дочь!

На то и муж, чтоб по-мужски гарем свой пополнять,
А ты молчи и чалу шей до дна, гяура дочь!*

1908

АЙ, ХВАЛА, ХВАЛА ТЕБЕ!

Вот как в мире ты живешь! Ай, хвала, хвала тебе!
Что ни слово — ересь, ложь! Ай, хвала, хвала тебе!

Значит, правда, что поэт с верой не в ладу давно,
Что умение писать лишь безбожникам дано!
Все их дело — отрицать, веселиться, пить вино.
Снова с книгой ты бредешь? Ай, хвала, хвала тебе!

Не похожий на людей, ну-ка — к зеркалу лицом!
Хвою бороду намажь, будь заправским молодцом!
Ты благочестивым стань, палец свой укрась кольцом,
Чтоб сказали все: «Хорош!..» Ай, хвала, хвала тебе!

Нет, несчастный, ты себя до могилы не поймешь!
Твой не в меру узкий глаз с молоканским, право, схож.
Чуть услышу речь твою — уж меня бросает в дрожь.
Ты теперь ко мне не вхож, — ай, хвала, хвала тебе!

¹ На Востоке кизяк (овечий помет) служит топливом. Его заготавливают в виде больших лепешек, которые надевливают на стены для просушки.

Ты на истину взгляни, ну, хотя б одним глазком!
Вай! Портретами чертей ты зачем украсил дом?
Неужель тебе глаза не мозолят день за днем
Вид безбожных этих рож?.. Ай, хвала, хвала тебе!

Обезумев, ты забыл все дела для суеты.
С новым платьем приобрел даже новые черты.
Любишь блеск штиблет, галоп! Это ты или не ты?
Ты в грехах великих сплось!.. Ай, хвала, хвала тебе!
Боль мою в себе умножь! Ай, хвала, хвала тебе!

1908

МНЕ НЕ ПОВЕЗЛО

Прочитания турецкого султана Абдул-Хамида

Я в плену излгод теперь, мне не повезло, поверь!
Дунгу боль гнетет теперь, мне не повезло, поверь!
Бесом стал народ теперь, мне не повезло, поверь!
Благ судьба не шлет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: вай-вай!
Ведь еще кальян — твой!

Из-за чванства своего я беды не смог понять,
Из-за чванства мне пришлось с головы корону снять.
Корень вырван из земли — отрапу ль его опять?
Безрассудный, я хотел конституцию испрять.
А она живет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не удирай,
Не зови врага в свой край:
Ведь еще майдан — твой!

Мне несколько не помог самый тонкий ход — ой, жаль!
Мир узнал мои грешки все наперечет — ой, жаль!
Все, что делал я, пошло вдруг наоборот — ой, жаль!
Как ни бился, я не смог обмануть народ — ой, жаль!
Мне юлдузские дворцы хитрость не вернет — ой, жаль!
Прахом все идет теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, ты через край
Свой карман все набивай:
Ведь еще карман — твой!

То не трубы раздались, то не барабаны бьют,—
То звучит во всех сердцах страшный зов на Страшный суд.
Тридцать лет я власть держал — отобрали в пять минут.
Я, султан Абдул-Хамид, выгнан вон, меня не чтут.

Весь мой труд — не в счет теперь, мне не повезло,
поверь!

Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: вай-вай!
Видишь, Тегеран — твой!

Шах любезный, до конца продолжай со злом союз!
Я богатство накопил — где ж он, мой бесценный груз?
Это все бы ничего — я за жизнь свою боюсь.
Как бычок, ты с детства был с толстой шеей, толстогуз.
Стянут мой живот теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, да это ж — рай:
Мясо ешь и шерсть сбивай!
Ведь еще баран — твой!

Дал я клятву, но, увы! Я ошибся! Это — бред!
Вот к чему меня привел злой Кямиль-таши совет!
Вздумав подражать тебе, я нарушил свой обет.
Ведь присяге роковой был я верен столько лет.
Рухнул мой оплот теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!
Мемдели, не унывай,
Не горюй, не вой: вай-вай!
Ведь еще айрап — твой!

Стои рабов родил грозу — мне удара не отвесь.
Я злодействами успел и аллаху надоесть.
В Салоники я попал, там большая крепость есть:
Стал изгнанником султан, потерял и трон и честь.

Крепко заперт вход теперь, мне не повезло, поверь!
Горек счастья мед теперь, мне не повезло, поверь!

Мемдели, беги давай!
Но клянись, уйми свой лай!
Ты с меня бери пример:
Гнев рассудком усмирай!
Я клянусь творцом земли —
Ты же смертен, Мемдели:
Твой баран уйдет из рук,
Твой каляк уйдет из рук,
И не только Тегеран —
Весь Иран уйдет из рук!

1909

ПОГРУЗИМСЯ В НЕВЕЖЕСТВО

Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.
Человеческий образ утратим и ползать начнем.

Если мы поколаем спокойно по-прежнему жить.—
Прошлинем все науки, потребуем школы закрыть.
Станем ямы коварства, как прежде, для ближнего рыть.
А простому народу полезно в невежестве быть.

Пользы в знаниях нет, а вреда не исчислить потом.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем!

С головой одеялом накройся, чтоб крепче заснуть.
Чтоб никто не будил, надо уши получше заткнуть.

И пускай сусверными снами волнуется грудь.
Ты проблемы ислама и нужды народа забудь!

Пусть друзья наши плачут, а радость владеет врагом.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Всех разгоним мы, кто о науках болеет душой.
Жизнь отравим им, чтобы бежали их сон и покой.
Мы уйти их принудим, пусть в край уезжают чужой.
Будем жить без наук, но зато со сложной душой.

Мы народ неученый всегда за собой поведем.
Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Пусть гяуры дерзают, как птицы, на крыльях летать,
Правоверные могут полеты во сне совершать.

И еще поученье ахунда нельзя забывать:

«Мир ничтожен, нельзя ему сердце свое предавать.

Вот когда мы умрем — мы блаженство в раю обретем!»

Так погрянем в невежестве, век в темноте проживем.

Жизни будущей образы — в снах. Презирай эту явь

И живи в сновидениях. Мир этот ложный оставь.

Сня! К чертогам адама полет сновидений направи!

Насылающих сны благодатные, духов прославь.

Счастливы тот, кто в мечтаньях живет, улыбается сном.

Так погрянем в невежестве, век в темноте проживем.

Сня, и в сонном виденье откроется рай пред тобой,

И гырманов и гурий пленительный явится рой.

Спать голодным ты лег — наслаждайся небесной едой.

Пусть владеют гяуры с шайтанами грешной землей.

Реять в ангельском сонме мы будем в виденье ночном.

Погрузимся в невежество, век в темноте проживем.

Пусть гяуры в искусствах достигли великих высот,

Пусть их изобрели телеграф, паровоз, пароход,—

Заплати за билет — и тебя паровоз повезет!
Но пристало с неверным тигаться тебе, мой народ.
Лучше в рабстве, как прежде, влачиться под чуждым кнутом.
Погрузимся в невежество, мирно свой век проживем!

1909

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ, АЛЛАХ?

Что делать мне, аллах? Погиб наш род!
Как расплодился джинны без бород!
В стране число их с каждым днем растет.
Они в любое дело знают вход.

Эй, старики! Эй, пожилей народ!
Эй, не пускайте: край наш пропадет!

По сотне всяких дел вершат любой,
На сходках речью устрашат любой.
Суннита радует шнит любой.
Суннит к шниту в дом снесит любой
И, словно с братом, разговор ведет.
Их честь погибла! Каждый — сумасброд!

Они религии своей не чтут,
Народ спасают, что ты скажешь тут?
Единой цели посвящен их труд.
Обычая отцов при них умрут.

Пустые люди — пусть их гром убьет!
Ни вымыбаша, ни сунниты, — сброд!

Нарушили родства закон — зачем?
Суннит к шейху устремлен — зачем?
За человека принят он — зачем?
Чтоб дружбой был народ сплочен — зачем?
О люди с головой! Что веру ждет?
Эй, не пускайте лживых без бород!

Раз удалось их цели нам узнать,
Их сборище должвы мы разогнать.
Нам их не трудно будет доконать:
Где ни увидим — тотчас проклинять!
Скажите им: проклятье их сожжет,
Разрушивших религии ослот!
Они друзья неверных, ад их ждет.
Их честь погибла, в голове — разброд!

1909

ЖАЛОБА ЖЕНЩИНЫ

Боль разрывает сердце, душит горло,
Дыхание в груди от гнева сперло.

Прислуги участь мнеся горька,
Чем быть женой такого дурака!

Ни с крыши не глазела я, ни в щелку,
Не растеклась в сплетнях я без толку,

Я не была болтушкой, и к тому ж
Не знала, как живет с женою муж.

В землянке у отца сижу, бывало,
Иль матери на кухне помогала.

У бабки в волосах искала вшей,
Отец сует халат, штаны: «Зашей!»

С утра должна была доить корову,—
И никому о помощи ни слова!

Лепила кизяки я на стене,
И ни к чему наряды были мне.

Отец мой зеленщик, а дед — лудальщик,
Ткач — брат мой старший, дядя мой — красильщик,

Гадалка — тетка... Но в роду у нас
Не знали грамотеев: бог нас спас!

Хотя наш дом всегда был полной чашей —
Залейся молоком и простоквашей, —

Но этой дряни — книжек — ни одной
Не видел никогда мой дом родной!

Росли мы в доме, как цветник веселый, —
Не знали ни учителей, ни школы,

А это слово мерзкое — тетрадь
Не приходилось даже и слышать.

В дому, благочестивом и достойном,
Я выростала кипарисом стройным.

Несчастной стать пришлось, однако, мне:
С замужеством пришла беда ко мне!

Я думала: муж — человек примерный,
Счастливейшей женою буду верной!

Могла ли знать тогда я, как теперь,
Что муж илой — не человек, а зверь!

Я слышала, мужья бывают всяки,
Но, чтоб читаны были и писакя!..

Подумайте, для жен какое зло!
Мне именно вот так не повезло!

Какой же это муж, будь он неладен,
Поэт! Ему лишь книжки да тетради!

До смерти не прощу я ни за что вам
Свой брак с писаконь этим непутевым!

То он читает, то, в тетрадь строча,
Задумается, что-то бормоча,

Как бы в беспамятстве, с застывшим взглядом,
Не видя ничего с собою рядом.

Всю ночь иной раз он не спит — молчит
Иль, как сокола, до утра трещит.

Иной раз ляжет рано, а без толку:
Не спит, ворочается очень долго,—

Вдруг из постели вскочит, бос и гол,
Засветит лампу — и строчить пошел!

Какой-то в нем огонь пылает вечно,
Пожар! Да, он ведь не в себе, конечно!

Поймите вы, как меня муж мой злит,
А все же сердце за него болит.

Что ему горе, что ему нужда?
Ни устали не знает, ни стыда!

Хватя карандаш, и — смотришь — на бумажке
Ползут, плодятся черные букашки!

Зашли бы вы к нам в дом и поглядели:
На полках, в нишах, даже на постели,

В комодке, в платяном шкафу — бумага,
В тарелках, в казане — тьфу, тьфу! — бумага!

А книги! Куча, горы в доме книг, —
Нет ничего как будто, кроме книг!

Я говорю: «Одумайся, послушай,
Протри глаза, дурак, прочисти уши.

Все деньги ведь на книги ты извел, —
Мы по миру с тобой пойдём, осел!

Дурной ли глаз, шайтана ль яваждешь?
Ослепнешь скоро ты на этом чтенье,

Чахотку наживешь себе, глупец,
Весь выдохнешь — и сдохнешь наконец!

Возьмись за ум, найди себе занятие —
Иль провались! Цапасть моя, проклятье!»

1909

ПОЖЕЛАНИЕ

Хоть бы не было ремесел, школ, наук и обученья,
От наук и обученья ждут нас только огорченья.

Ни скамей бы и ни досок, ни столов бы и ни мела,
Ни к перу бы, ни к бумаге чтобы не было влеченья.

Чтобы не было училищ, а у наших милых деток
Чтобы не было с рожденья никакого разуменья.

Чтоб наставников не стало, просвещенных, энергичных,
Чтоб от слячки пробудиться не спешило населенье.

Чтоб сочувствия к народу молодежь бы не питала,
Чтоб ее с народом вместе взяли б черти в довершенье.

Проклят будь тот день, в который кто-то выдумал газету,
Чтобы выдумщика тоже дьявол взял на попеченье.

Чтобы не было журналов, журналистов, типографий,
Чтобы не было редакций,— вот о чем мой моленья,

Чтобы не было Востока, что для нас примером служит
И в народе возбуждает столь опасные стремленья.

Чтобы не было изданий, рассуждающих свободно,
Чтобы не было в Ираке этих споров и киченья.

Чтобы не было на свете конституция турецкой,
А в сердцах у младотурков чтобы не было горенья.

Чтобы вновь не воскресли скорпиона — «Насреддина»,
Чтоб фанатики не знали снова страха и мученья...

Старикам про современность и про новые порядки
Говорит, стыда не зная, молодое поколенья.

Пусть на все таланты ваши перейдут мой болезни,
Потому что вы бозумцы, вот мое какое мненье!

1909

ОТНЫНЕ

Найдем предлог какой-нибудь — отныне до скончания дней,
Чтоб к вере наш народ вернуть — отныне до скончания дней!

Прикрыв кораном старину, должны мы новшества изгнать,
Чтоб все забыли, в чем их суть, — отныне до скончания дней!

Журналы догмой подавив, должны науку мы убить,
Чтоб ей ни охнуть, ни вздохнуть отныне до скончания дней!

Зачем газеты издают? Чтоб в мире множить суету?
Да сгинет, братья, эта муть — отныне до скончания дней!

Моллу, ролвгию не чтут, — давайте ж укроем ислам!
Не смей на веру посягнуть — отныне до скончания дней!

Всех проходимцев, всех писак изгоним из родной страны
И преградим обратный путь — отныне до скончания дней!

Развейся, стигнь, злыянье их! Ты, слава, улети от них!
Чурек, дорогу к ним забудь! — отныне до скончания дней!

Тетради, книги их порви, разбей чернильницы, народ,
По галамдан не тронь отнюдь — отныне до скончания дней!

Ох, если б только удалось нам уничтожить их печать,
Чтоб их писанья зачеркнуть — отныне до скончания дней!

В ком разум теплится еще, тот несомненно сретик!
Ему мы скажем: «Проклят будь — отныне до скончания дней!»

Спасайтесь, братья! Поскорей друг другу руки подадим!
Пусть единымъем дышит грудь — отныне до скончания дней!

По если денег нам дадут, придется снова их простить
И в мусульман их обернуть — отныне до скончания дней!

1909

БЕЖИМ, МОЙ СЫН!

Ах, вот какая школа к нам пришла!
Детей на новый учат лад они.
Учитель в этой школе — не мулла.
Ай, ай, спасайся! Совратят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Как изменилось все теперь в судьбе:
«Элифы», «бея» стали «а» и «б».
Уж вместо «эй» он «е» прочтет тебе.
На буквы, как враги, глядят они.
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Послушай, вот урок у них идет:
Толкуют все слова наоборот.
Гроша не дам за новый их подход,
Хотя твердят, что это клад, они.
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Подрид, не по слогам, велят читать.
Он говорит, а ты иши в тетрадь.
Детей ислама вдруг ведут гулять:

Совсем забыли наш уклад они.
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

А то глядишь: оставил ум ребят —
Полсотни глоток сразу голосят.
Комедия какая-то! Разврат!

Погубят без муллы ребят они.
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Земля, по их рассказам, ле ровна, —
Кругла и даже вертится она.
И лгут, что ходит солнце и луна.
Неверные, чего хотят они?
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Совсем не так у дедов зли дела:
Уча, имел достойный вид мулла,
На нем папаха тордая была,
Од был ученый! Что ж творят они?..
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Одной лишь болтовней они живут.
Наденет шляпу проходимец, плут
И говорит про змей! Пренодают!
Не учат — челухой томят они.
Бежим, мой сын! Несут разврат они!

Законам предков я не изменю:
Я не предаю свое дитя огню,
Безбожье от потомства отгоню.
Со школой пусть к чертям летят они!
Бежим, мой сын! Несут разврат они!
Тут не наука!.. Лгут! Грешат они!..

Да рухнут в ад они!
Грешны стократ они!
Неверных это дом,
Где нам предят они!

1909

ПРОДАЮ

Молла! Я от власти теперь в стороне.
Пускай надо мною смеются в стране!
Даю объявление: и счастлив вполне,
Открыв распродажу по сходной цене.
Я множество всяких вещей продаю!
Ко мне, покупатели!.. Рей продаю!¹

Торговля широкая! Выбор богат!
Здесь — все, что хранили Джемшид и Губад!
Иные иранцы упрямо хотят
Внести в мое дело разор и разлад,
Но, что мне до этих затей?! Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Большое владенье — большая беда!
Оно огорченья приносит всегда!
Что Каспий для деду? Морская вода.

¹ В этой сатире Сабир бичует иранского шаха Мамедали, продавшего страну английским и российским империалистам.

И море он продал царю без стыда!
Я знамя твое — о мой Кей! — продаю!
Ко мне, покупатели!.. Рей продаю!

Мне свет — неавиствен. Пусть будет Иран
Темнейшей, невежественнейшей из стран!
Я город оставил, я дикостью нын!
Я больше не шах! Я всего только хан!
Сюда!.. Сабзавар, Меямей продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Имущество ваше и платье — мое!
И совесть и стыд — без изъята мое!
Все ханство Каджаров со знатью — мое!
Продажа страны — вот занятие мое!
Что вам до торговли моей?.. Продаю!
Ко мне, покупатели! Рей продаю!

Чем мне ограничивать шахскую власть,
Чем мне под влияние народа подпасть,
Чем армию слушать и жизнь свою илечь,
Уж лучше быть хамом и пьянствовать властью!
Эй, кубок налейте полней!.. Продаю!
Ко мне, покупатели!.. Рей продаю!

1909

¹ Когда царское правительство, решив овладеть Каспийским морем, обратилось с соответствующим предложением к шаху Ирана Фатали-шаху, деду Мамедали, он ответил: «Соленая вода — кому она нужна?»

ВИНОЙ ДУБИНА

От гора свет померк дневной.
Дубина, знать, тому виной.
Страна — вверх дном, позор сплошной.
Дубина этому виной!

Зачем, Иран, твои сыны
Безумца жертвой быть должны?
Сове ль развалины нужны?
Судьба ль забыла край больной?
Дубина этому виной!

Друг друга смятятся юнать,
Сердца чего-то ждут опять.
Меджлис разогнал, не сжечь!
Повсюду слышен лай шальбой —
Дубина этому виной!

Где конституция? В пыли!
Наглеют слуги Мемдели.
От жира вздулись, опыли.

Шайтаны правят всей страной —
Дубина этому виной!

Он клятвами уверил всех.
Но не его ль мы слышим смех?!
Так почему же без вомех
Цлюет злодей на край родной?
Дубина этому виной!

Зачем нарушил клятвы он,
Нарушил праведный закон,
Зачем коран жжепелел¹,
И лож блестит во тьме лочной?
Дубина этому виной!

Хулитель рад из кожи лезть,
И вера продана и честь,
И всех невинных жертв не съесть,
Хоть отправляйся в мир иной.
Дубина, знать, тому виной!

Красноречивый — присмирел,
Мятежный — за решетку сел,
И только подлый склочник цел.
И скалит пасть, как пес цепной.
Дубина, знать, тому виной!

Ученый — опельмовал он?
Зачем достойный оскорблен?
И слышен вольнолюбца стон

¹ Мамедали-шах приказал открыть огонь по демонстрация школь-ников, направлявшихся к шахскому дворцу с кораном в руках.

Из страшной лужи кровавой.
Дубяна, знать, тому виной!

Своих поступков не стыдись,
Шах все живое топчет в грязь.
Зачем же месть не поднялась
На выродка с душой двойной?
Дубяна, знать, тому виной!

1909

ПАХНЕТ ОБМАНОМ

— Почему конституция шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что все это пахнет обманом?
— Шах велик! он правитель нац, он покровитель народа!
Пусть желанья твои расцветают смелей год от года!
— Вот спасибо! Но часто, увы, при крутых поворотах
Отвечает нам эхом в ущелье пустая порода.
Почему конституция шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что все это пахнет обманом?

— Не хочу с тобой спорить! Невежда, подумай хоть малость.
Шах из рода Каджаров — великая честь нам досталась.
Не сегодня, так завтра! Подумай, какая в том жалость?
Конституция, брат, неспроста под сукном залежалась.
Неспроста конституция шах не дает мусульманам.
Шах велик и правдив. Ты не смешивай правду с обманом.

— Брось душою кривить! Правде в очи взгляни хоть
однажды.
Шах несчастен! Ну да. Это знает на улице каждый.

Он страдает, бедняга, томимый духовною жаждой!
Ну, не тяжко ль, народ свой в неделю обманывать дважды?

Почему конституция шах не дает мусульманам?
Разве ты не находишь, что все это пахнет обманом?

1909

ПОДРАЖАНИЕ НАШИМ ПОЭТАМ

(Пародия на традиционное воспевание красавицы)

О ты, чье лицо — как солнце, а лоб — луны круглей!
Глаза у тебя — сайгачьи, два лука — вместо бровей.

Похожи твои ресницы на заросли тростника,
Как муравьи — кудришки, а косы — как пара змей.

Как яблоко — подбородок, колодец — ямка на нем,
С блеском серебряным — тело, оно — полотна белей.

Как юбка бикала — шея, стройнее чинары — стая,
С губ твоих — мед сочится, щеки — гранатов красней.

Зерном ипсеничным — родянка, вороном — челка на лбу!
Ах, будь это так — не нашлось бы чучел тебя смешней!

1909

ВЫКЛАДЫВАЙ!

Народ

Зилли-султан! Ты нам грёзил — и все у нас потом забрал,
А ну, выкладывай сюда все, что, свисти кнутом, забрал!

Зилли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ

Ведь ты в Европе проживал! Зачем же ты бегом-бегом
Опять направился в Иран? Не ожидал, что грянет гром?
Ты сам дал повод, чтоб тебя вселили в этот серый дом.
Теперь ничем уж не помочь! Сиди, любовный, под замком!
Попридержи язык! Верни, что ты, чиня разгром, забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что со своим двором забрал!

Зилли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал из ваших жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ

Припомни по порядку все, что ты готов забыть сейчас:
Как ты сливал в бутылки кровь, лишая этой крови нас,
Как летом на зиму сушил плоды чужие про запас!
Хоть вылезут глаза на лоб, срыгни, срыгни-ка все зараз!
Попридержи язык! Верни, что ты у нас живьем забрал,
Выкладывай сюда, что сам, что со своим зверьем забрал!

Зилли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал из ваших
жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ

В стране поллока ты, злодей, свой обдѣлывал дела,
К тебе в готовом и в сыром — во всяком виде пища шла.
Не скаль клыков: довольно ты принес народу бед и зла!
Снямай-ка саблю, что тебе побед немало принесла!
Попридержи язык! Верни, что ты у нас мечом забрал!
Выкладывай сюда, что сам, что вместе с палачом забрал!

Зилли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь я впрямь сосал из ваших
жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

Народ

Народ иранский, как дитя, тобой был в люльке усыплен.
Следила стража, чтобы он, заплакав, не прервал свой сон.
Но вы забились по углам, едва зашевелился он.
Выкладывай, Зилли-султан, что натаскал со всех сторон!

Молчи, подай сюда добро, что ты петлей, ружьем забрал!
Выкладывай сюда все то, что ты у нас ножом забрал!

Зилли-султан

О, каюсь, каюсь в том, что кровь и вырвямь сосал из ваших
жил,
Что я сознательно грешил и несознательно грешил!

1909

ЧЕЛОВЕК С МОШНОЙ — ЧЕЛОВЕК
БОЛЬШОЙ

Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Что там слава мне, что там знатный род!
Облик, совесть, честь и душа — во в счет!
Будь в пороках ты с головы до пят —
Лишь мошна тебя от невзгод спасет!
Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Пусть таланта нет и не блещет ум —
Миллионщику не до мрачных дум:
Хоть злодеем будь, все ж, когда умрешь,
Окружат тебя вечной славы шум.
Человек с мошной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

Ты бессовестен? Но беда оияты!
У народа кровь не бросай сосать!

Наберешь тышком пять грошей с лихвой —
Уважать тебя станет наша знать.
Человек с мощной — человек большой,
А без денег он — человек смешной!

1909

Правоверным бы бы ты, соблюдал бы дни поста
И смиренно б лобызал руки, ноги у плута.

А теперь — иди, казнись ты за все свои дела,
Слыша, как тебя клянут из-за каждого угла!

1909

ЛУЧШЕ ПРОПАДОМ ПРОПАСТЬ!

Лучше пропадом пропасть и не думать ни о чем,
Чем дышать, и понимать, и гореть в огне таком!

Жил бы с темными людьми — тоже темный человек,
И тьмета темноты рвать не вздумал бы вовек.

Принимал бы, не кривясь, горечь снадобий, как мед,
Пел бы песенку свою, как в мечети плут поет.

Подтверждал бы все, что он слушателям лжет своим,
Связан, взнуздан, запряжен, мирно плелся бы за ним.

Что поделаешь теперь? Дело сделано — и ты
Мук немало перенес от хулы и клеветы.

Хватит жалоб! Никого не ливи в своем краю:
Что б с тобою ни стряслось, на судьбу пеняй свою!

Отвечай, зачем ты стал различать добро и зло?
И зачем «кукареку» спел, хотя не рассвело?

АРДЕБИЛЬ

Шесть десятков лет напрасно погубил я, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Думал я, что нет прекрасней места в мире, чем Иран,
Думал я, что он приятней всех иных на свете стран,
Думал, женщин нет краше, чем Фатма и Тукезбан.
Но в России тьма красавиц, тьма прелестниц, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Полагал я, что для гурий ты, моя отчизна, рай,
Но едва тебя покинул и в другой приехал край,
Встретил я таких волшебниц, что воскликнул: «Ай-яй-яй!»
В каждой нега, в каждой свежесть, в каждой прелесть,
Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Я — в Баку. Чудесный город! За него любой отдам.
Процлывают в нем, на зависть разным прочим городам,
Вдоль по Набережной — толпы восхитительных «мадам».
Всем хорош товар холщевый, ты ватмился, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Пылко Союю полюбили тысячи таких, как я.
Взоры к рюмке обратили тысячи таких, как я.
О молитвах позабыли тысячи таких, как я,
В прошлом праведников рьяных, в прошлом скромных,
Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

На балконах, на бульварах вижу дивных этих дев.
В магазинах, в цирке, в парке — так и пядюсь, обалдев.
Можно год прожить, наверно, всех, увы, не оглядев!
Я, признаться, растерялся, о, мой боже, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Я, Иран свой покидая, как предписывал ислам,
Ехал только для важивы, ехал только по делам,
И клянусь, что я не думал о красотах, о «мадам»!
А теперь детей забыл я, дом забыл я, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Чем красавиц этих больше, тем сильней они влекут.
Я, как юноша, пылаю, и меня желанья жгут.
Но возможности у старца от желаний отстают.
Ограничены стремленья ветхой плотью, Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

Был я тихим домоседом, очень робкий человек,
Но, Иран родной покинув, я границу пересек,
Все, что я за ней увидел, потрясло меня навек.
Я подавлен и растерян! Боже правый! Ардебиль!
Мужем мне не быть, коль вспомню о тебе я, Ардебиль!

1910

ПОРА ЗНАТЬ МЕРУ

Не веришь ни во что, но всем внушаешь веру.
Неужто не устал? Пора тебе знать меру!

Страна твоя во сне, и уж который год
Ты песенкой своей баюкаешь народ.
Куда бы ни пришел — тебе везде почет.
Нищают все вокруг, а ты, наоборот, —
Чем твой народ худей, тем толще твой живот.

Твердишь ты: взятка — грех, а сам берешь не в меру.
Живется хорошо на свете лицемеру!

Твердил про скотный двор, что это божий храм,
В одежды правоты рядил фальшивый хлам.
«Уверуйте!» — кричал, но сомневался сам.
Добро ты называл противным небесам,
Все дозволял себе, все запрещая нам.

Но время ложь твою развеет как химеру,
И наконец тебя не станут брать на веру.

Ты жилы отворял, как ловкий шарлатан.
Во имя благ земных пускался на обман.
И головы дурил, и наводил туман.
Почтенной нищете учил ты мусульман,
А сам построил дом и набивал карман.

Твердишь, что взятка — грех, а сам берешь не в меру.
О, долго ли прощать мы будем лицемеру!

Ты часто говоришь, что богохульство — грех,
И в ереси винить готов был все и всех.
Но я тебя постиг. И знаю: ты из тех,
Кто разрешает грех без всяческих помех,
Коль золото тебе подсунут для утех.

Но скоро весь народ поймет твою манеру
И проклинет тебя, как язву и холеру.

Хоть с виду ты смирен — ты волк, а не овца.
И жадности твоей нет меры и конца.
Доколе будешь ты испытывать творца!
Доволько! Ясен ты теперь и для глупца.
Уже не сможешь ты улавливать сердца!

Пред всеми отвечать придется лицемеру.
Довольно. Отдохни. Пора тебе знать меру!

1910

* * *

Свобода! Подруга... С тех пор как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу свободною биться всегда.
За это не раз порицаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда.

1910

ОТШЕЛЬНИКУ

Эй, не пора ли нам, отшельник, раздеться догола?
Откроем людям наши думы, и души, и тела.
Пусть люди наконец увидят всё, что нам жизнь дала,
Пусть наконец рассмотрят наши поступки и дела.
Пусть выдававший зло за благо узнает горький стыд,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

Давай отвергнем пустословье и всякий прочий вздор,
Пусть напуг истинную сущность людской увидит взор,
Пусть явным станет все, что было сокрыто до сих пор,
Пусть громко торжествует совесть и обнажит позор,
Пусть выдававший зло за благо узнает горький стыд,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

Что, если мы от лестных прозвищ себя освободим?
Что, если без личин предстанем перед судом людским?
Друзьям и недругам покажем, далеким и своим,
Свой облик, нрав, расскажем честно, чего сейчас хотим.
Пусть пристыдит виновных список обманов и обид,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

Мы наши жизнеописанья поведаем сперва,
Всю правду пусть о нас расскажет вслед за главой глава,
Пусть люди сравнивают наши деянья и слова,
Пусть наши чаянья узнают,— что мы за существа.
Пусть выдававший зло за благо почует горький стыд,
И пусть прозреет, пусть проснется тот, кто годами спит.

1910

ПРИЗНАНИЕ АБДУЛ-ХАМИДА

Не думай, что строгать, рубить я начал лишь с тех пор,
Как с горя плотничье постичь решил я ремесло.
Ах, боже мой, еще в те дни, как я султаном был,
Я резал, бил, ломал, рубил — да так, что трон трясло.

1910

ПРИМИРИСЬ!

Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!
Гибнет с голоду семья? Что же, снова примирись!

Стал ты пленником забот — бедный, кокорись ты им!
Не старайся, не трудись, волю дай слезам своим!
Против бога не пойдешь — плачь, стонай, ходи нагам!
Мусульманином ты будь — преклонись перед благим!
Ждешь богатств? Они придут. Помни слово: примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Жизнь твоя тебе горька? С горем дружбу ты сведи!
Брось надежды, будь ленив, нет просвета впереди!
Перед волею судьбы, голову склонив, ходи!
На вознесшего ввысь ты без зависти гляди!
Он, неверный, не постиг смысла зова: примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Угнетатель пнет тебя — думай: это злобный рок!
Повелитель бьет тебя — думай: так велел пророк!
За бессилье — не к себе, отнеси к другим упрек!
Верь, что ближний иль чужой на нужду тебя обрек.

Не отвергни ни того, ни другого — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Станет слишком тяжело — плачь, хоть нам противно, плачь!
Средств иных и не ищи — только непрерывно плачь!
Ты от мира откажись — жалобно, призывно плачь!
Ни о чем не рассуждай! Долго, немолчно плачь!
Плюнь на гордость и на честь! Жизнь сурова — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Вадунал сделать что-нибудь — сделай, как велит ислам!
И любую кладь носи, уподобившись ослам!
Сей, коси, а голодный бек с хлебом справится и сам!
О правах своих не знай, спи, доверься небесам!
Спи, не мучься, не вставай против злого — примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

На неверных не гляди, совершай без них свой путь!
Выбирай полегче труд, о канонах не забудь!
Добывая детям хлеб, услаждай молитвой грудь!
Чтоб души не омрачать, ты черноработчим будь!
Деньги бек забрал твой? Ты без крова? Примирись!
Ты попал в беду, бедняк? Что ж такого? Примирись!

Если ж сила в теле есть и крепка твоя рука,
Если стыд глаза не ест, брань не сходит с языка, —
С болью, горем и нуждой ты кончай наверняка!
Есть на свете ремесло, славное во все века:
Резь — бери! Громи — бери! Взял, готово! Возгордись!
Ни седого не щади, ни грудного! Возгордись!

Обнял злого — возгордись!
Смял родного — возгордись!
Что там совесть? Что там честь?
Грабь и снова — возгордись!

1910

МЕЧТА ОТПЕЛЬНИКА

Отпелник верит, что во сне при жизни рай он обретет,
Что он над бездной в райский сад, как тель крылатая,
порхнет.

Едва уляжется, во сне — тьманы, гурии пред ним.
Проснется — вспоминает сон, молитва в голову нейдет.

По мнению этого балды, рай — что-то вроде Бухары,
Где на большом базаре он притон с тьманами найдет.

И в этом цель его молить, и ведь уверая старый плут,
Что он молитвою своей людей и бога проведет.

Да если же во сне найдет, а наяву подобный рай,
Он мигом набожность свою продаст и глазом не моргнет.

Ты дай ему земной гарем, и вволю есть, и пьяно пить,
Забудет он поклонь бить и четки в угол зашвырнет.

И если бы ему внушить, что, мол, безбожье — эликсир,—
Неверье с верою смешав, он в ересь новую впадет.

1910

НИЩИЕ

Прочь уходи, в дверях не стой, проклятый нищоброд!
Не вой голодною совой, проклятый нищоброд!

Благотворительная цель сегодня собрала
Всех лучших городских людей у щедрого стола.
Мы средства собираем здесь на добрые дела.
Но есть ведь старины святой адаты, нищоброд.
Так уходи, в дверях не стой, проклятый нищоброд.

О да, открыто мы живем, богатства не тая.
Здесь гости знатные сидят, и все они друзья.
Гляди: улемы здесь сидят, и беки, и князья.
Всяк с толстой шеей, тучны все от сытого житья.
Ты им не ровня; все они богаты, нищоброд.
Мольбы докучной не тяни, проклятый нищоброд.

Куда ты лезешь? Здесь твоя молитва не слышна!
Пусть плачут с голоду твои и дети и жена...
Как образина у тебя противна и гнусна!
Тьфу! Если б только увидал себя ты, нищоброд!
Прочь уходи, чтоб ты пропал, проклятый нищоброд!

Хозяин мой из-за тебя гостей не станет гнать,
Не будет голя городской обеды задавать.
А ты, видать, успел и стыд и совесть растерять.
Зачем на кухню ты побрел? Куда ты, нищоброд?
Эй, не заглядывай в котел, проклятый нищоброд!

Пойми, запомни: ты — бедняк, ты — худший из людей.
Ты с вожделеньем не гляди на лицу богачей.
А если хлеба нет — умри, и лучше поскорей.
Нуждаться будешь — так и знай: всегда ты — нищоброд.
Уйди же, не надоедай, проклятый нищоброд.

Как сквозь игольное ушко верблюду не пройти,
Так бедным людям никогда казны не обрести.
Богач не ровня бедняку, и им не по пути.
Тебя ага к себе за стол вовек не позовет.
Прочь от дверей! Пошел, пошел, проклятый нищоброд!

1910

МЫ — ОРАВА ДАРМОЕДОВ

Мы — орава дармоедов, наше дело — вздор болтать.
И писать мы разучились, и отвыкли мы читать.
Налие главное занятие — сплетничать и клеветать.
Мы — невежды, а помотришь — важны, будто всё мы знаем,
Но, где можно, для острастки, правоверных проклинаем.

Мы грехи у бедных видим в слове, в действии любом.
Самый робкий светоч мысли гасим грязным салогом.
Но за то перед начальством как виляем мы хлостом!
Приношенья и подачки на лету, как псы, хватаем,
Но, где можно, для острастки, правоверных проклинаем.

Мусульман мы в страхе держим без особого труда.
Ведь у нас в делах подобных поседела борода.
Мы ислам на откуп взяли испокон и навсегда.
Потрясая бородами, паству адом мы лугаем.
И ежедневно, для острастки, правоверных проклинаем.

На заре в мечеть идем мы и творим святой намаз.
А уж как мы бьем поклоны, поглядел бы ты на нас!
Но прималка для разврата не мигает наших глаз.

Гнусный грех свой — детоложство — святостью мы
прикрываем.
Но за то уж, для острастки, правоверных проклинаям.

Повод мы найти умеем, чтоб затеять шум и спор.
Где бы ни были, мы сеем клевету, навет и вздор.
Чтоб не рухнул дом господень, вековых лишаешь опор,
Мы моления аллаху громогласно воссылаем
И вседневно, для острастки, правоверных проклинаям.

Нам эдем сулен за гробом, а не бодла адеких мук.
Нам ученый — враг заклятый, а певозда — первый друг.
Мы враги свободы, чести, просвещения и наук.
Мы в печенье и в безбожье всех ученых обвиняем
И вседневно, для острастки, правоверных проклинаям.

Возвращаемся с почетом, путь свершив к святым местам.
Это мы храним и держим незапятнанным ислам.
Засылаем — толпы гурий и гылманов снятся нам.
Так живем мы в лоне веры и других забот не знаем,
Но вседневно, для острастки, правоверных проклинаям.

1910

НАЦИИ

Мир усердьем удивив, ты ушла вперед теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Очень много всяких дел ты свершила тут и там.
Нас на секты разделив, укрепила ты ислам.
Счета ног твоим делам, счета пет твоим словам.
Видишь, но один народ сзади нас идет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Ты, пока песь мир дремал, стала тормозить своих,
Разбудила наконец, возвеличила ты их:
Каждый славу заслужил, выших степеней достиг.
Ты прекрасна в торжество. Кто тебя забьет теперь?
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

После этого смешон тот, кто действовать сиспит.
Мы по-новому живем, и у нас не прежний вид:
Любит школу наш народ и науки свято чтит.
Он ослам и лошадям поезд предпочтет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Чтобы по небу летать, вдруг придумали баллон.
Паровоз, автомобиль, — шум и гам со всех сторон.
И о выдумках своих толковать пошли в салон.
Заблудились в поезде. Кто их разберет теперь?
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

Целый мир куда-то ввысь вздумали они поднять.
Ну, а мы в загробный мир вознеслись мечтой опять.
Жизни срок — мгновенный срок — мы не вправе сокращать.
Раб таких земных затей в рай не попадет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

И неверных мудрецов, нет, не признает ислам.
Мы вовек не подойдем к их расписанным дворцам.
Ожидать отправки в рай на земле осталось нам.
Встречи с гурьями там мусульманам ждет теперь.
Ляг, укройся, отдохни ото всех забот теперь!

1910

НЕ ПУЩУ!

В школу? Сына? Ерунда!
Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Хоть над книгами сидит мой сынок по целым дням,
Хоть несчастный мальчуган так и рвется в школу сам,
Но безбожники одни тянут нас к таким делам.
Для религии — беда!
Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Он еще совсем дитя — трудно ль обмануть таких?
Всей бесплодности наук он не понял, юн и тих.
Он еще хороших дел не отделит от пустых.
Губит юные года!..
Отвяжитесь! Не пущу!
Ни за что и никогда!
Отвяжитесь! Не пущу!

Мне ли капельки не жаль, что от слез он похудел.
Старший брат его — бабдит. Вот пример хороших дел!
Пусть умрет — не допущу, чтоб мой сын картуз надел!

Дать его ловерным? Да?

Отвяжитесь! Не пуцу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Слушайте! Ведь сын-то мой! Что ж печетесь вы о нем?
Это кто ж назначил вас надю мной опекуном?
Нет, мы веру задевать вслед за вами не начнем.

Нет, не стоит и труда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Предоставьте сына мне — он во всем пойдет в меня
И беспечно проживет, ремесло мое ценя.

Мне ученый друг сказал: «Будь подальше от огня!»

Отдавать его туда?

Отвяжитесь! Не пуцу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Убирайтесь к черту! Вон! Сколько длился ваш обман?

Вот уже пять лет, как вы окверняете коран.

На гура стал похож мой любимый мальчуган.

К черту, сгиньте ж без следа!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Нет, безбожникам не взять пламя сердца моего!
Пусть в могилу сын сойдет — школа пусть не ядет его!
Что о школе говорить? Бредня, больше ничего!
Лучше — вечная душка!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Хватят сыну и того, что имеет он сейчас!
Чем смеяться мне в глаза, пусть негодник сгинет с глаз!
Если сын мой повторит мысль зловердную хоть раз,
Вмиг зайдет его звезда...

Отвяжитесь! Не пуцу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Согласиться? Нет, вовек не войду в неверный стан,
Чтобы сына погубил ваш бессмысленный обман.
О предатели, враги настоящих мусульман!

Ждите божьего суда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Ни за что и никогда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

Это ведь для нас беда!

Отвяжитесь! Не пуцу!

1910

КТО МОЖЕТ УСОМНИТЬСЯ В НАС?

Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас исконно!

Кавказцев старых ты видал? Храбрецы!
Мы все с энергией, с умом — молодцы!
Рочисты мы, говоруны, мудрецы!

А как до дела — мы в плену суетни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Вон где река, а мы уже босиком!
Едва весна — уж мы в огне целиком!
Даем мы слово — и в кусты кувырком,

И, что не сдержим мы его, — не вина!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Пускай заснет весь мир, но нам не заснуть:
Ведь гордость нации хранят наша грудь!
Своих друзей мы никому, не забудь,

Не продадим за жалкий грош! Ни-ни-ни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Не по душе ни козни нам, ни раздор.
В работе яростны мы все с давних пор.
Вот так выводим мы ислам на простор!

Мы служим нация своей! Мы одни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Ах, сколько обществ — погляди! — есть у нас.
Для дела время впереди есть у нас.
Желаний множество в груди есть у нас.

Ах, ликование и восторг нам сродни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

В краю открытых нами школ не сочтешь.
Искусствам помогли рублем все мы сплошь.
Мы нарушали свой обет? Это ложь!

Скорее строгий приговор измени!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Мы заведений всяких тьму создаем!
Вот здесь лечись, а там учиь день за днем!
Себя учеными людьми мы зовем.

К нам уважение навсегда сохрани!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Чернорабочих или слуг — нет у нас!
Несчастий, нищеты и мук — нет у нас!
Не закятых работой рук — нет у нас!

На счастье нашей детворы ты взгляни!
Кто может усомниться в нас в эти дни?

Исполнен наш отловский долг целиком,
Детей мы любим, мы для них и живем.

Еще плоды своих трудов мы пожнем,
Когда займется смявья воровством,
Когда под стражей войдут в серый дом!
К блаженству нацию свою мы ведем!
Кто может усомниться в нас в эти дни?
Весь мир подлунный знает нас искони!

1910

ПОЙ, ВОСТОРГОМ ОКРЫЛЕН

Пой, восторгом окрылен, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Наконец-то в мире вадох услышан твой,
Ясный месяц блещет вновь над головой:
Шах твой вспомнил о тебе, мой дорогой.
Так сляй, как небосклон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Тень владыки своего ты восхвали!
Уйму всяких благ несет он издали.
Слушай, одет в гости к вам сам... Мемдели!
Мчись встречать во весь разгон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

Как тебе печаль и скорбь не растоптать!
В миг желанный воагласи: «Ах, благодать!»
И до Страшного суда ты можешь спать.
Да увидишь светлый сон, иранец мой!
Прогони все беды вон, иранец мой!

1910

КУРБАН-БАЙРАМ

Идет, идет курбан-байрам к нам опять,
И все, кто важен, толстобрюх — наша знать, —
Ведят барашка изловить и заколоть.

У них обряд, Халилуллах, в честь тебя.
А нищие вонят, аллах, в честь тебя.

Соседи вышли, как всегда, на порог.
У них и нация одна и пророк.
Но вот у этого — мясо, и жирок,
И праздник свят, Халилуллах, в честь тебя,
А тот потупил взгляд, аллах, в честь тебя.

Сын одного идет гулять — разодет.
И галстук и воротничок — краше нет.
Отец с улыбкою глядит сыну вслед,
Глаза блестят, Халилуллах, в честь тебя.
На бедном — тьма заплата, аллах, в честь тебя.

Смотри, смотри, Гаджи-Пири к нам идет,
Не даст и кости никому, живоглот!
Сосед-бедняга палец свой знай сосет.

Гаджи пузат, Халилуллах, в честь тебя.
Раслухнет он стократ, аллах, в честь тебя.

«Гаджи,— сказал я толстяку,— загадай:
Куда по смерти попадет скупердяй?
Бараньи шкуры школярам ты отдай!
Согрей ребят (Халилуллах, в честь тебя!),
Зимой они дрожат, аллах, в честь тебя».

«Обычай не велит,— Гаджи молвил тут,—
Отдам, а женщины начнут пересуд.
Во что тогда они квашню завернут?
Отдать я рад, Халилуллах, в честь тебя,
Но пусть в дому лежат, аллах, в честь тебя!»

1910

ПРАВОВЕРНЫЕ С БУЛЬВАРА

Ах, спишь ты, дядюшка Молла, в краю грузин туманном.
Хоть раз пожаловал бы ты к почтенным мусульманам.
Ты б погулял у нас в Баку и гостем был желанным,
С хаджи сидел бы по ночам в беседе над кораном.
Ты бы узнал, что и у нас есть тоже душки, дядюшка,
И что укромные места есть для пирушки, дядюшка.

Ты по бульвару бы гулял в передвечерный час,
Когда еще последний луч на небе не угас.
Узнал бы, сколько дивных жен и девушек у нас—
С телом Венер, с походкой пав, прекрасных без прикрас.
Они красавицы у нас, они болтушки, дядюшка.
Ты убедился б, что они такие душки, дядюшка!

Но ты решишь, что на бульвар выходит только сброд?
Здесь правоверные одни гуляют взад-вперед.
Они, как ты или как я,— солидный все народ,
Здесь и гадки и мешади пошли в круговорот.
Они святые все от пят и до макушки, дядюшка.
И вера в господа для них — не безделушки, дядюшка.

У них в сто зерен четки есть, они творят намаз,
И молятся они весь день пред господом за нас.
Бог упаси, чтоб согрешить могли хотя бы раз,
Они на женщин и мужчин не поднимают глаз.

А ежели про их грешки твердят старушки, дядюшка,
Я б за подобные слушки не дал полушки, дядюшка.

Я их за то и не корю, что ходят на бульвар,
Не говорю, что ищут там они гнилой товар...
Но что там делают они, надев чужой наряд?
Да кто их знает! Ведь они про то не говорят.

Они не вынут свой секрет из-под подушки, дядюшка...
Я б мог сказать. Но верят мне одни пьянчужки, дядюшка.

1910

С О Н

О Плут, о приятель порочных людей!
«Сон в руку!» — скажи, дорогой, поскорей.

Мне снилось, хочу я тебе рассказать,
Как будто в Баку я вернулся опять.

На дальней окраине где-то живу,
Гуляю по улицам, как наяву.

С тех пор как подлунная наша стоит,
Имели они ужасающий вид.

Теперь же, о радость, нарядны они,
Повсюду фонарные блещут огни.

Бывало, идешь — никого на пути!
Теперь толкотня — невозможно пройти.

Особенно людно у входов в дома.
(Причину узнать любопытно весьма!)

Тут всякие лица — поверишь, не счесть,—
И важного рода и с именем есть.

Стучатся к любому, беседы ведут,
С иными поближе знакомятся тут.

Берут заверенья, дают им денюжат,
Прощаясь, чувствительно благодарят.

Одним — сократить обещанья дают,
Другим — без конца обещанья дают.

Мне очень хотелось понять как-нибудь
Той купли-продажи загадочной суть.

Но слишком я был удивлен, потрясен.
Увы, я проснулся... О вещей мой сон!

Мой Плут, ты догадлив и мудр, объясни:
Те улицы, лица — что значат они?

Мудрец, растолкуй ты как следует мне,
Откуда подобное чудо во сне?

Низедар

ТОЛКОВАНИЕ СНА

Твой сон, Низедар, интересен и нов,
И я объяснить его тут же готов.

То гласные снились, — сомненья гони! —
И улицы так разубрали они.

Обирают они голоса по ночам.
Не глуп — в остальном разберешься и сам!

1910

АЙ, ДЖАН, АЙ, ДЖАН!

Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай, джан, ай,
джан!
Травле праведных — конец! Тишила! Ай, джан, ай, джан!

От писак и волоска утаить мы не могли,
Из-за подлых нам пришлось быть посмешищем земли.
Ах, как вышло хорошо! Все дела на лад пошли!
Сразу стала жизнь сладка, не трудна, ай, джан, ай,
джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай, джан, ай,
джан!

Ну-ка, ветер, наш привет ты Молла-Казаму глян,
Пусть Молла-Саламу шлет поздравленье в Ленкорань,
Чтобы всех друзей-невежд он поздравил в эту рань!
Пой в мечети и пляши, старина, ай, джан, ай, джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай, джан, ай,
джан!

Облети Владикавказ, громколасно объяви:
Нет журналов и газет! Всех к молитве призови!
Явно, тайно ли — грешни! Как надумал — так живи!
Что б ни делал — наша честь спасена! Ай, джан, ай,
джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай, джан, ай,
джан!

Ты молле Гаджи-Баба, что в Кубе, пропой: хвала!
Нет газет! Холера их без пощады унесла!
Эй, мюриды, все сюда! Чья душа не весела?
К нам — сподвижники из сел, все сюдна! Ай, джан, ай,
джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай, джан, ай,
джан!

Нет газетчиков! Простор, о собратья, только нам!
Скоро пост — и весь доход, без изъятья, только нам!
А в мечети и хвала и проклятья — только нам!
Будь ты проклята навек, новьяна! Ай, джан, ай, джан!
Всем газетам с этих пор — грош цена! Ай, джан, ай,
джан!

1910

ПОЧЕМУ Я НЕ СОЧУВСТВУЮ ШКОЛЕ

Сочувствовать школе? Ну что за народ!
От школы доход не растёт, не растёт!

В глазах твоих ужас, газетчик, возник:
Ты ей посвятил и перо и язык!
Я ж верное слово скажу напрямик:

Не вижу я пользы от этих забот —
От школы доход не растёт, не растёт!

Наслышатыся в школе: «Свобода! Права!» —
И станут цевить год из года права!
Молле же противны народа права.

Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчёт?
От школы доход не растёт, не растёт!

Мне пользы от школы совсем не видать —
Проклясть мы такую должны благодать!
И всем это ясно! О чем рассуждать?

Не вижу я пользы от этих забот —
От школы доход не растёт, не растёт!

Начнут это дети учиться сейчас,
Получат бесчисленных знаний запас,
А после, конечно, возьмутся за нас.

Ну, как мне сочувствовать? Есть ли расчёт?
От школы доход не растёт, не растёт!

Вот если бы школьное дело типком
Доверили в руки мои целиком!
О, я дорожил бы подобным куском!
Теперь же что толку от этих забот?
От школы доход не растёт, не растёт!

Ах, старое время, благже дела!
От каждого дома мне доля была:
Плов, масло, и сахар, и чай, и... хвала!
Что делать? Исчезли и хлеб и почёт!
Живот не растёт, не растёт, не растёт!

Теперь вообще мы попали в беду:
И трех приношений не видим в году!
Мы рады терпеть и такую нужду,
Не стало бы хуже. Где хлеб, где почёт?
Живот не растёт, не растёт, не растёт!

Проводят собрания у нас без числа,
На нескольких фразах кончат дела.
А слава моллы отпела и ушла.
Что делать? Исчезли и хлеб и почёт!
Живот не растёт, не растёт, не растёт!

ОТЧЕГО ПОГИБ ИРАН

Тот опозорен муж, кто плачет, слезы льет!
Позор тебе, Иран, в слезах ты круглый год!

Когда трусливый шах удрал, оставив трон,
А вслед за ним сбежал и весь придворный сброд

И у кормила встал во всей красе меджлис,—
Мы думали: Иран сейчас величье ждет!

Мы думали: вручен избранникам Иран.
О, как приятен был нам к власти их приход.

Казалось, наконец дела пошли на лад,
И не один недуг залечится, пройдет.

Но посмотри: пока мы верили в расцвет,
Каким событиям настал у вас черед!

Мошенники страной взялись руководить,
И первый встречный — вождь... и в яму вас ведет...

И вот уже меджлис в харчевню превращен —
Возвышенный итог их рвенья и хлопот!

Течет рекою чай, дымится жирный плов,
Потом — кальян в зубах, а там — и сон придет.

Голубчики мои, ведь это же меджлис!
Кто ж к правде здесь призвал? Кто требовал свобод?

Какой вопрос большой меджлисом обсужден?
Каким решением был обрадован народ?

Нет, нет, почтенный, нет, не думай, милый друг,
Что дело у таких по совести идет.

Да, правда, в некий миг Иран познал добро:
Свободы дивный луч украсил небосвод.

К народу перешли народные дела,
И мнилось, что вопрос мы разрешим вот-вот.

Ну, а теперь, скажи, возможность эта есть?
Свои дела Иран в порядок приведет?

А знаешь, ведь любой из новых главарей
Кричал: «Придам делам достойный оборот!..»

Но вся беда лишь в том, что у обретших власть,
Бог знает почему, слеза из глаз течет.

Сперва вслабнул один, а вслед за ним и все.
Кругом же громкий смех, сумятица, разброд.

А дело, как мертвец, спокойноенько лежит,
Лежит — и уж никто к нему не подойдет.

Да, главное давно забыто, отошло,
В плену у личных дел и мелочных забот.

Армену увидав свободной наконец,
Единственную цель призвал делец: доход!

И каждый захотел в савонники попасть:
Кто титул раздобыл, тот знатным и елывет.

Любим путем дельцы втираются в меджлис —
Блеснуть познаниями, списать себе почет.

Их званья, титулы все новизной блещут:
Тот беком стал, а тот по-хански речь ведет.

И на арсе те, кто превратились в знать,
Кто сам сумел взлететь и свой возвысил род.

О деле помолчи! Ведь я уже сказал,
Что дело, как мертвец, лишь погребенья ждет.

Никто с презрением еще не крикнул им:
«Страну втоптал во прах времен круговорот!..»

Вас к титулам влечет властительница страсть.
Но честный человек не титулом живет.

И ты хоть Самом будь, хоть Нариманом стань —
Не титул, а дела идут отныне в счет.

От человека ждут лишь дел, и только дел.
И в мире славен тот, кто жизнь им отдает!»

Какие же дела успел свершить меджлис?
Скажи: повел ли он свою страну вперед?

Лишь кузница одна, где титулы куют,
Сжигая все дела, грометь не устает.

Теперь не спрашивай, кто погубил Иран,
Теперь ты знаешь сам, какой всех дел исход!

1911

* * *

Муж сказал: «Я раз в году вижу в зеркале себя
И рыдаю оттого, что уродлив я ужасно».
А жена: «Ох ты, урод! Мне-то, мне-то каково!
Вижу каждый день тебя,— я воистину несчастна!»

* * *

Нет, я не стою в убеждениях, мне честь и совесть не указ.
Я — тот арык, что каждодневно меняет русло сорок раз.
Зачем мне знать, где ложь, где правда? Я жить хочу и так и сяк.
То по гвоздю я ударяю, то по подкове бью подчас.

* * *

Отцовский долг еще не в том, чтоб сыновей рождать,
А сколько есть таких отцов — бездумных, беззаботных!

Отцовский долг — в том, чтоб умно воспитывать детей,
Но то мы, люди, упадем до уровня животных!

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

* * *

Мерило горя — ум, лишь умных горе гложет,
А кто лишен ума, несчастным быть не может.
И мера горести, и глубина страданий
Зависят от ума, и ум несчастья множит.

Аба — плащ, накидка; обычное одеяние духовных лиц.
Абдул-Хамид (Абдул-Гамид) — турецкий султан, низложенный в 1909 г. народом и заключенный в Салониюскую крепость.

Ага — господин.

Адаты (адат) — неписанные законы.

Аман — возглас скорби, ужаса.

Ардебиль — город в Южном Азербайджане.

Атабек — титул главы шахского правительства Ирана
Мирзы-Алескера, убитого в 1907 г. иранскими революционерами.

Бахлул — герой популярных анекдотов. Его имя носил издававшийся в Баку сатирический журнал, в котором иногда печатался Сабир.

Белобараняые — династия монгольских завоевателей, правившая в Азербайджане в 1468—1501 гг.

Гаджи — почетный титул человека, посетившего Мекку. Часто прибавляется к имени собственному, становясь его неотъемлемой частью.

Галемдан — пенал для тростниковых перьев и туши.

Ганбар — см. Мирза Ганбар.

Губад — легендарный шах древнего Ирана.

Гюрза — ядовитая змея.

Гюр — «неверный», немусульманин.

Гылман — прекрасный юноша, которому надлежит наряду с гуриями услуждать в раю «правверных».

Джемшид — легендарный повелитель древнего Ирана, воспетый Фирдоуси в его эпосе «Шах-Наме».

Зилли-султан — дядя иранского шаха Мамедали, крупный феодал.

Зоухак — герой эпоса Фирдоуси «Шах-Наме», иранский шах-деспот.

Илдырым — досл.: «могущественный» — турецкий султан Баязид I (1389—1402), захвативший обширные территории в Европе и Азии.

Исмаил — шах Азербайджана и Персии (1502—1524), основатель династии Сефевидов.

Кааба — мусульманское святилище, черный камень, находящийся в Мекке.

Каджары — шахская династия, основанная в конце XVIII в. Ага-Мухаммед-шахом. Мамедали-шах принадлежал к этой династии.

Каймак — сливки.

Ковсер — райский источник.

Коран — священная книга мусульман.

Курбан-байрам — праздник жертвоприношения, в который богатым надлежало резать баранов для нищих. Богачи уклонялись от этого обычая и вместо бедняков щедро угощали друг друга и духовенство.

Кызылбашы — досл.: «красноголовые». Так назывались воины династии Сефевидов, которые носили красные шапки. Позднее это название было перенесено на все население Ирана. У Сабера так иногда называются шииты.

Кюфта, бозбаш, бадирджан — азербайджанские национальные блюда.

Кямиль-паша — известный реакционер, министр правительства Абдул-Хамида.

Меджлис — иранский парламент.

Мекка — священный город мусульман, куда совершаются паломничества.

Меликшах — правитель государства сельджуков, могущественного военно-феодалного государства, созданного в II в. н. э.

на территории Средней Азии, Персии и ряда стран Ближнего Востока.

Мендели — досл.: «я сумасшедший». Намеренно искаженное имя иранского шаха Мамедали (Мемдели); аянулкрывавшего иранскую конституцию, «дарованную» народу его отцом Музаффериддин-шахом.

Мешади — почетный титул мусульманина, посетившего гробницу имама Ризы в Мелхде (Иран) — святилище шиитов.

Мешади-Сижимкули — псевдоним поэта Али Назми Мамед-заде, ученика Сабера. В одной из своих сатир, помещенных в «Молла Насреддине», Мешади-Сижимкули спрашивал совета, жениться ли ему, шестидесятилетнему старику.

Мирза Ганбар — имя нарицательное, обозначающее: реакционер, фанатик.

Мир-Халим — политический деятель, глава тавриэского духовенства, реакционер. Революционерами был сначала изгнан из Тавриза, а позднее повешен.

Младотурки — члены турецкой буржуазно-помещичьей националистической организации «Единение и прогресс», руководившей буржуазной революцией 1908 г., направленной против деспотии Абдул-Хамида.

Молла-Кавам, Молла-Салам, Гаджи-Баба — имена нарицательные, обозначающие: реакционеры, фанатики.

Муджахиды (муджехиды) — революционеры, участники иранской революции 1907—1911 гг.

Мулла (молла) — духовное лицо у мусульман; грамотей. Так Сабир иногда обращался к журналу «Молла Насреддин», в котором активно сотрудничал.

Мучтед (муджехид) — высшее духовное лицо, имеющее право на толкование корана.

Мюрид — ученик, последователь.

Надир (Надир-шах) — персидский шах (1736—1747). В результате ряда грабительских походов Надир-шах создал обширное государство, установил в стране режим жестокой тирании.

Намаз — ритуальная пятикратная молитва у мусульман.

Насреддин. — В своих стихах Сабир так обращался к сатирическому журналу «Молла Насреддин».

Низедар — досл.: «ношевец»; один из псевдонимов Сабера.

Налас — ковровая ткань без ворса.

Плут — псевдоним одного из сотрудников газеты «Ионеш».

Рей — одно из названий Ирана.

Рустам — легендарный богатырь, герой эпоса Фирдоуси «Шах-Намэ».

Сабзавар, Меймей — города в Иране.

Сами Нариман — деды шаха Рустама, героя эпоса Фирдоуси «Шах-Намэ».

Саттар (Саттар-хан) — руководитель иранской революции 1907—1911 гг., азербайджанец (тюрк) по национальности.

Сеиды — люди, считающие себя потомками пророка Мухаммеда и его родственников.

Селим — турецкий султан (1512—1530). Жестоко подавил народное восстание в Малой Азии, начавшееся еще при его отце Баязиде II.

Сийта — временный брак. Кроме четырех постоянных жен, мусульманин по закону мог иметь неограниченное число временных жен — «сийта».

«Сорок попугаев» — название известной восточной сказки.

Суниты — приверженцы одного из двух основных толков в исламе, враждующие с шиитами — приверженцами другого толка.

Суфий (суфист) — мусульманский монах, сторонник суфизма — мистико-аскетического течения в исламе.

Тамерлан — принятая в Европе форма имени Тимура (1336—1405), полководца и завоевателя, главы военно-феодалного государства в Средней Азии.

Тохтамыш — хан Золотой Орды.

Туранцы — турки, жители Турана. Так в старой литературе именовалась Средняя Азия.

Улем — ученый-богослов.

Фирни, терек, долма, пити — различные национальные блюда.

Фисинджан — изысканное восточное блюдо.

Халиллуллах — одно из имен библейского пророка Авраама, под которым он фигурирует в мусульманских легендах и преданиях.

«Хаят» — досл.: «жизнь». Название издававшейся в Баку азербайджанской газеты.

Хоп-хоп — один из псевдонимов Сабира.

Чернобаранье — династия монгольских завоевателей, правившая в Азербайджане в 1410—1468 гг.

Чингиз (Чингис-хан) — монгольский хан и полководец, образовавший в начале XIII в. обширную империю, в которую входили Средняя Азия, Иран, Закавказье и др. территории.

Чихиртма — национальное блюдо из баранины.

Чоха — длиннополая мужская одежда.

Чурек — хлеб.

Шииты — приверженцы одного из двух основных толков в исламе, враждующие с сунитами. Иранцы и большинство азербайджанцев — шииты.

Ширван — старинное название одного из районов Азербайджана с главным городом Шемахой.

Эбрехе — арабский полководец, персонаж предания, в котором говорится, что Эбрехе победил Абдул-Мутталиба, правителя Мекки, и захватил Каабу. По воле аллаха на армию Эбрехе налетели птицы, несущие в клювах камни, взятые из преисподней, и побили ими всех солдат и боевых слонов Эбрехе.

«Элиф», «бей», «эй» — названия букв арабского алфавита.

Энджумен — орган демократического самоуправления в Иране в период иранской революции 1907—1911 гг.

Яхши — хороший.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Пеньковский. Азербайджанский Ювенал 5

ИЗБРАННЫЕ САТИРЫ

К согражданам мусульманам и армянам. <i>Перевод П. Антокольского</i>	19
Посвящается бакинским рабочим. <i>Перевод С. Липкина</i>	21
Бакинским «богатырям». <i>Перевод В. Лифшица</i>	23
Спи! <i>Перевод А. Лосева</i>	25
Я вздыхаю... <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	27
Горе аптекаря. <i>Перевод П. Панченко</i>	30
Бяҳ! Вах! <i>Перевод С. Липкина</i>	33
Рецепт воспитания. <i>Перевод А. Ахундовой</i>	35
Почему же? <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	38
Жалоба старика. <i>Перевод В. Лифшица</i>	40
Липмеру. <i>Перевод А. Ахундовой</i>	42
Не кричи, спи! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	44
Что мой сын нашел в ученье?.. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	46
Как скверно мне, аллах! <i>Перевод П. Панченко</i>	50
Не могу. <i>Перевод В. Лифшица</i>	52
Боюсь! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	54
Свобода. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	57

Песенка аристократа. <i>Перевод С. Липкина</i>	59
К Молла Насреддину. <i>Перевод П. Панченко</i>	61
Я разве не был прав? <i>Перевод С. Липкина</i>	65
Каша и мясо. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	67
Не пускайте. <i>Перевод В. Лифшица</i>	69
Подражание. <i>Перевод П. Панченко</i>	71
Самовосхваление. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	74
Мы — благочестивые. <i>Перевод П. Панченко</i>	77
Люди! <i>Перевод С. Липкина</i>	80
Умер? <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	82
Сыну. <i>Перевод П. Панченко</i>	84
Вспомни! <i>Перевод П. Панченко</i>	88
Призвание женщины. <i>Перевод П. Панченко</i>	90
Сетования скриги. <i>Перевод С. Липкина</i>	92
Боже, слава тебе! <i>Перевод П. Панченко</i>	94
Не стану больше кукарекать. <i>Перевод В. Лифшица</i>	96
Сетования. <i>Перевод П. Панченко</i>	97
Сыночек. <i>Перевод В. Державина</i>	99
Нам что? <i>Перевод П. Панченко</i>	101
Такая сладостная жизнь. <i>Перевод П. Панченко</i>	103
Спи, человек! <i>Перевод Д. Самойлова</i>	106
Нет подобного мне! <i>Перевод П. Панченко</i>	108
Я поэт. <i>Перевод С. Липкина</i>	110
Женись! <i>Перевод П. Панченко</i>	112
Молодой. <i>Перевод В. Лифшица</i>	114
Истина. <i>Перевод П. Панченко</i>	116
Иран — мой! <i>Перевод П. Панченко</i>	117
Османец, не верь! <i>Перевод П. Панченко</i>	120
Изгнание Мир-Хашима. <i>Перевод П. Панченко</i>	122
Саттар-хану. <i>Перевод П. Панченко</i>	124
Месяц рамазан. <i>Перевод П. Панченко</i>	126
Терпи! <i>Перевод П. Панченко</i>	128
Наставление. <i>Перевод П. Панченко</i>	130
Ах! <i>Перевод П. Панченко</i>	133
Вопросы и ответы. <i>Перевод П. Панченко</i>	135
Тетья, не пускай! <i>Перевод П. Панченко</i>	137
Пусть не будет. <i>Перевод А. Лосева</i>	139
Красная борода. <i>Перевод П. Панченко</i>	141
Спасите! <i>Перевод П. Панченко</i>	143
Не верю я. <i>Перевод П. Панченко</i>	145

На что тебе, аллах? Перевод П. Панченко	146
Фисижджан. Перевод П. Панченко	148
Благодари судьбу. Перевод Д. Самойлова	151
Дитя. Перевод П. Панченко	153
Дочь глаура. Перевод П. Панченко	155
Ай, хвала, хвала тебе! Перевод П. Панченко	157
Мне не повезло. Перевод П. Панченко	159
Погрузимся в невежество. Перевод В. Державина	162
Что делать мне, аллах? Перевод П. Панченко	165
Жалоба женщины. Перевод Л. Неньковского	167
Пожелание. Перевод В. Лифшица	172
Отныне. Перевод П. Панченко	174
Бежим, мой сын! Перевод П. Панченко	176
Продаю! Перевод Ю. Нейман	180
Виной дубина. Перевод П. Панченко	182
Пахнет обманом. Перевод Ю. Гордиенко	185
Подражание нашим поэтам. Перевод Л. Неньковского	187
Выкладывай! Перевод П. Панченко	188
Человек с мощной — человек большой. Перевод П. Пан- ченко	191
Лучше пропадом пропасть! Перевод П. Панченко	194
Ардебиль. Перевод В. Лифшица	196
Пора знать меру. Перевод Д. Самойлова	198
«Свобода! Подруга...» Перевод П. Панченко	200
Отшельнику. Перевод С. Липкина	201
Признание Абдул-Хамида. Перевод П. Панченко	203
Примирись! Перевод П. Панченко	204
Мечта отшельника. Перевод В. Державина	207
Нищий. Перевод В. Державина	208
Мы — орава дармоедов. Перевод В. Державина	211
Нации. Перевод П. Панченко	213
Не пушут! Перевод П. Панченко	215
Кто может усомниться в нас? Перевод П. Панченко	218
Пой, восторгом окрылен. Перевод П. Панченко	221
Курбан-байрам. Перевод П. Панченко	222
Приверные с бульвара. Перевод Д. Самойлова	225
Сон. Перевод П. Панченко	227
Ай, джан, ай, джан! Перевод П. Панченко	230
Почему я не сочувствую школе. Перевод П. Панченко	232

Отчего погиб Иран. Перевод П. Панченко	234
«Муж сказал...» Перевод С. Липкина	239
«Нет, я не стою в убеждениях...» Перевод С. Лип- кина	240
«Отцовский долг еще не в том, чтоб сыновей рож- дать...» Перевод С. Липкина	241
«Мерило горя — ум...» Перевод С. Липкина	242
Пояснительный словарь	243

САБИР
ИЗБРАННЫЕ САТИРЫ

Редактор Т. Калякина
Художественный редактор Г. Кудрявцев
Технический редактор З. Евдокимова
Корректор А. Паранюшкина

Сдано в набор 23/III 1962 г. Подписано
к печати 21/IV 1962 г. Бумага 70 × 108^{1/2} —
7,88 печ. л. 10,78 усл. печ. л. 6,55 уч. изд. л.
Тираж 8500. Заказ. 260. Цена 39 коп.

Гослитиздат.
Москва, Б-68, Ново-Басманная, 19.

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза.
Москва, 1-я Рижский пер., 2.